

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	3
Аннотация	3
ОСТАНОВКА ВО ВРЕМЕНИ	4
МОЙ ГОРОД	4
В прошлом	4
Улица Советская	5
Городской парк	8
Улица Окружная	9
Улица Промысловая	11
Морское сообщение между Корсаковым и Владивостоком	12
Дорога на Южно-Сахалинск	13
Пассажирский вагон	13
Звуки города	14
Питание населения, магазины и торговля	17
Обоз ассенизаторов и пригородные огороды	20
1961 год – денежная реформа и день 12 апреля	21
Предвыборная кампания	22
Лекции о международном положении	22
ОКРЕСТНОСТИ ГОРОДА	24
Маячная сопка	24
Исчезнувшая «Нечаевка»	25
Пригородное	25
Белокаменка	27
Застава в Белокаменке	29
Японцы с задержанных шхун	30
Новый лагерь «МОРЯК»	30
По окрестностям на велосипеде	32
Поход на мыс Анива	32
Сбор красники (клоповки), брусники, лимонника и грибов	36
У МОРЯ И РЕК	37
Рыбалка	37
На берегах и отливе	39
Путешествие на буксире РБ-108 в лагуну Буссе	40
Ожидание цунами	41
Кладбище брошенных кораблей и судьба сахалинской природы	42
ВОЕННЫЕ В ГОРОДЕ	43
Военно-морская база	43
Морские силы погранвойск и торпедные катера	45
Береговая оборона	45
Авиация	46
Девушки – матросы	47
Строительный батальон	48
Военная нефтебаза	48
Футбольная команда «Звезда»	49
ШКОЛА	49
Первый класс школы № 5	49
Школа № 2	53
5 «Е» класс	53
Слава Кутырев	56
Изучение английского языка	57
Слет на турбазе «Горный воздух» и путешествие по городам Дальнего Востока	57
Сбор металлолома	59
Летний трудовой лагерь	60
Выпускной вечер	61
Музыкальная школа	62
ИГРЫ, УВЛЕЧЕНИЯ И ЗРЕЛИЩА	63
Классы	63
Скачки	63
Чиж	64
Прятки	64

Штандр.....	64
Вышибалы.....	65
«Зонька».....	65
Футбол.....	65
Опасные занятия.....	67
Катание на санях.....	68
Лыжи.....	69
Коньки.....	69
Морские купания у моста на Южный пирс.....	70
Кино и кинотеатры.....	71
Новогодние праздники.....	73
Заезжий фокусник или куда делось разбитое яйцо?.....	74
Юные пожарные и пожары в городе.....	74
Юные пограничники.....	76
Диковинные животные.....	76
Дом пионеров.....	77
Голубятни.....	78
ПОЕЗДКИ НА МАТЕРИК.....	78
Впервые за пределами острова.....	78
Хабаровский техникум связи.....	79
ВРЕМЕНА ГОДА.....	81
ДОМ И СЕМЬЯ.....	83
Домашние животные и птица.....	83
Питание семьи.....	85
Запах игрушек моего детства.....	86
Пауки крестовики.....	87
Паслен и мак в огороде.....	87
РОДИТЕЛИ.....	87
ЗА ЧТО Я ЛЮБЛЮ КОРСАКОВ?.....	87
ДРУЗЬЯ, ОДНОКЛАСНИКИ И УЧИТЕЛЯ.....	88

Об авторе

Архипов Виктор Васильевич, кандидат медицинских наук, доцент Санкт-Петербургской Государственной педиатрической медицинской академии. В 1967 году окончил школу № 2 в Корсакове. Учился в Благовещенском Государственном медицинском институте, затем работал заведующим детским отделением Корсаковской городской больницы (1974-1977 гг). С 1980 года живет в г. Ораниенбаум (Ломоносов) Санкт-Петербурга.

Архипов В.В., 20 лет

Аннотация

В представленной работе отражены детские и юношеские воспоминания автора о жизни приморского городка Корсаков, что лежит на берегу залива Анива (остров Сахалин). Рассматривается десятилетие советской жизни – 1957-1967 гг. Читатель побывает в городе «японском и советском», его окрестностях, познакомится с жизнью и бытом горожан, учебой и отдыхом юных жителей, пройдет по дорогам прошлого в наше время.

Для любителей «ближней» истории.

ОСТАНОВКА ВО ВРЕМЕНИ

«Если выпало в Империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря»
И. Бродский

«...существует только то, чего уже нет.
Будущее может не быть;
Настоящее может и должно перемениться;
Одно прошедшее не подвержено
изменяемости;
Воспоминание бережет его...»

В.А.Жуковский

Сны будоражат память и уносят меня на улицы родного города. Память о прошлом складывается из воспоминаний.

Приглашаю читателя к путешествию в прошлое и твержу про себя: «Дай Бог сказать, да не солгать! Дай Бог памяти! Простите все, кого не вспомнил. Простите за неточности и поправьте меня».

Место действия – конец пятидесятих, начало шестидесятих годов XX века, городок на берегу залива Анива, что на острове САХАЛИН. Пост КОРСАКОВСКИЙ в 1869-1905 гг, ООДОМАРИ (ОТОМАРИ) в составе японской провинции Карафутто в 1905-1945 гг и КОРСАКОВ после 1945 г.

Затрудняюсь с определения жанра нижележащих строк. Отнесем их к бытописанию с деталями и собственным отношением автора к пережитому.

МОЙ ГОРОД

В прошлом

Внешне Корсаков конца пятидесятих и начала шестидесятих годов XX столетия представлял собой причудливое переплетение архитектурных стилей, деливших его на два разных города. Один из них – японский, с узкими улицами и плотной общественной и индивидуальной застройкой. Другой – советский, лишенный индивидуальности, застройка которого проводилась в рамках японского города при сохранении заложенных ранее пропорций, что надо признать рациональными в природных условиях, когда береговая линия с прибрежным обрывом, сопки и распадки между ними, диктуют направления и размеры улиц. Однако при этом уничтожались японские постройки и малые формы городской архитектуры, нарушалась разумная связь строений с особенностями природной среды.

Окраины «японского города» были застроены кварталами домов барачного типа из тонких досок, бамбука и глины, стены которых оклеивались газетами, а крыши покрывались деревянной щепой. Газетные слои открывали страницы прошлой жизни Японии. Помнятся фотографии японских женщин, окруженных важными офицерами, опирающимися на длинные сабли.

Отапливались японские дома чугунными печами, похожими на знакомую советским людям «буржуйку». Керамические трубы этих печей выводились наружу через отверстие в стене и закреплялись на сооружении, похожем на лестницу.

Помимо барачков, в этих кварталах были дома, построенные вплотную друг к другу. На окраинах города в живописных местах, на склонах сопки встречались индивидуальные постройки с яркими чертами национальной архитектуры, окруженные посадками рябины, вишни и тиса. Наружные стены некоторых домов были стилизованы под камень. Такое покрытие стен характерно для административных и общественных зданий города японской постройки.

Японские дома капитально не ремонтировались. В процессе переделок бараки и другие жилые строения постепенно превращались в засыпные деревянные сооружения с кирпичными печами. Стены этих построек заполнялись шлаком, образующимся после сжигания каменного угля в многочисленных городских котельных, или древесными опилками. На окраинах города в советское время возводились индивидуальные, в основном шлакоблочные, дома, а некоторые улицы застраивались 2-х квартирными или многоквартирными домами из бруса.

Первые 2-х этажные кирпичные дома советской постройки появились в городе в послевоенное десятилетие.

Массовое возведение типовых блочных домов началась со второй половины 60-х годов, что сопровождалось стремительным исчезновением японского облика в чертах города.

Советский город агрессивно наступал, выставляя на показ безликие постройки. Новые жилища внешне и внутри оставались труппами, что печально, поскольку ландшафт открывал возможности для создания уникального приморского городка. Вероятно, в будущем положение изменится, когда планы новых архитекторов соединятся с возможностями и потребностями времени.

Улица Советская

Путешествие по городу моего детства продолжится на центральной улице, которую в Корсакове, как и во множестве населенных пунктов нашей Родины, зовется Советской. После изгнания японцев «отцы-переименователи» действовали в духе времени, что видно

из названий городских улиц – Краснофлотская, Первомайская и др. Мне неизвестно, как центральная улица называлась в японское время, но и тогда она была деловым и административным центром города. Об этом свидетельствовали административные здания японской постройки, и редкие фотографии того времени. От делового центра города сохранилось здание банка, которое и в советское время использовалось по прямому назначению.

Вдоль улицы Советской росли рябины, и ее можно было бы назвать «Рябиновой». Летом рябины украшали улицу зеленой листвой, а осенью – красными гроздьями ягод, которые срывались ветром и ярким ковром покрывали тротуары.

В начале улицы Советской в японском здании располагалось здание почты. У почты стоял газетный киоск, который привлекал внимание детей не только газетами и журналами, но и разной сопутствующей мелочью – ручками, блокнотами и тетрадями. Интересно, что за 15 копеек в киоске можно было купить газету американских коммунистов Daily Word. В годы перестройки говорилось, что она издавалась на наши деньги и распространялась на территории Советского Союза. Один из номеров я приобрел и отметил, что в отличие от советских газет, в нем присутствовали реклама и сообщения о предстоящих траурных церемониях.

В начале Советской на возвышенности стояло здание кафе, которое в просторечии звалось «стекляшкой». В кафе продавались мороженое, булочки и пирожные, а на разлив болгарское вино – «Тырново», «Старый мельник», «Гымза» и др. Бутылками этого вина в 60-е годы были заполнены прилавки продовольственных магазинов города.

На Советской японские дома постепенно сносились, уступая место типичной советской застройке – небольшому числу «сталинских домов» и панельным пятиэтажкам («хрущевкам»).

В одном из домов «сталинской постройки» размещались книжный и галантерейный магазины. В галантерейном магазине на стене висел автомат, который за 15 копеек распылял порцию одеколona. В те времена считалось особым шиком, если от мужчины исходил запах какого-либо одеколona. В парикмахерских после стрижки клиенту обязательно предлагали освежить прическу каким-либо одеколоном – «Красной Москвой», «Тройным» или «Шипром». На «Красную Москву» соглашались отдельные посетители – он дорого стоил. Дешевые цветочные одеколony («Сирень», «Гвоздика» и др.) с этой целью не использовались.

В японских зданиях располагались Дом пионеров, Отдел Внутренних дел, Горсовет и другие учреждения. Перед Горсоветом стоял неизменный атрибут того времени – памятник Ленину. В одном из жилых домов «сталинской архитектуры» находились

центральная городская аптека и стоматологическая поликлиника. В маленькой полуподвальной комнате этого здания располагался городской клуб туристов, инвентарем которого ведала женщина, составлявшая штат этого «учреждения». В клубе за небольшие деньги можно было взять напрокат снаряжение, а также получить талоны «автостопа», которые, как предполагалось, должны стимулировать водителей оказывать содействие туристам. Мы, с моим другом, Леней Лодиковым, приобрели «книжечку» талонов, но водитель попутной автомашины, которому мы ее предложили, подивился новшеству и отказался их принять со словами – «Зачем они мне».

На улице Советской первый этаж одного из панельных домов занимал хозяйственный магазин «УЮТ», бывший центром формирования записей (очереди) на ковры и другие «дефициты» того времени (холодильник, стиральную машину и др.). Желаящие купить возжеленную вещь, проводили в очередях многие ночи. Во время строительства дома на его крыше случился пожар. Позднее здание было украшено одним из первых в городе неоновым лозунгом начала 60-х годов – «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!».

Центром города, который формировался в советское время, была городская площадь. О событиях 1945 года говорил обелиск, воздвигнутый в 1949 году. Обелиск окружал небольшой сквер. Надпись на обелиске однозначно не свидетельствовала о наличии в этом месте воинского захоронения. В областной газете «Советский Сахалин» публиковался материал, из которого следовало, что даже участники тех событий не имели единого мнения по этому вопросу.

Несколько слов о других местах в городе и районе, связанных с воинскими захоронениями. Вдоль дороги между поселками Пригородный и Озерский, у берегового обрыва, можно было видеть могилу моряков, отмеченную якорем. Полагаю, что она связана с 1945 годом. В 60-е годы захоронение исчезло – море размыло берег и поглотило могилу.

На Сахалине могилы часто располагаются на краю берегового обрыва, с которого открывается красивый вид на море, и люди, хоронившие умершего или погибшего человека, специально выбирают это место. Всякое захоронение – это осколок памяти, утрата которого для нее губительна. Кто из нынешних жителей города может сказать, где располагается кладбище, на котором захоронены каторжане и граждане, жившие в этом месте до 1905 года? Отмечена ли каким-либо знаком могила моряков крейсера «Новик», погибших в неравном морском бою?

По левую сторону от обелиска появилось новое здание Горсовета, к которому перенесли памятник Ленину от старого места расположения городской администрации.

Статую расположили спиной к городской администрации, а лицом и вытянутой рукой к городскому Комитету партии, который располагался на противоположной стороне площади. Жители города шутили этому поводу: «За ними, б..., нужен глаз, да глаз!».

Заметным строением на Советской было здание Горсуда, которое располагалось у поворота на Окружную. Оно помнится зеленым двухэтажным срубом. Напомню читателю о забытом факте из деятельности Горсуда. В его обязанность входили не только процедура расторжения браков граждан, но и оповещение жителей об этом акте через городскую газету «Знамя коммунизма» (в последующем «Восход»).

Необходимо отметить, что Советская имела необычный для того времени статус «пешеходной зоны». На этой улице знакомились и расставались, выходили «себя показать и на других посмотреть». У центральных магазинов торговли предлагали горожанам турецкую гвоздику, георгины, астры и другие цветы. Вечерами в компании друзей по улице обычно совершалось два-три прохода. Поток прогуливающихся увеличивался в студенческие летние каникулы, когда в городе собиралась учащаяся молодежь. Любители гуляли и в дождь, который нередко моросит и в летнее время. Теплыми и тихими вечерами, которые редко дарует сахалинская природа, число горожан, совершающих прогулку, умножалось во много раз, но и в это время не переставало напоминать о себе море, превращая потоки теплого воздуха, рождаемые землей, в прохладные туманы.

Городской парк

Городской парк «Культуры и отдыха» был организован в начале 60-х годов, когда военные покинули большую часть сопки, вокруг которой расположился город.

В возрасте шести лет я побывал в этом районе с одним знакомым солдатом, который служил возницей в воинской части, стоявшей за забором нашего дома. Это была дружба солдата и ребенка, которая одному скрашивала будни воинской службы, а другому расширяла горизонты окружающего мира. Солдат брал меня в поездки по хозяйственным делам в пределах территории части и ближайших улиц. В его обязанность входила также доставка в часть хлеба из воинской пекарни, располагавшейся на сопке, склон которой с небольшим еловым массивом позднее послужил местом для строительства городского парка. Однажды я увязался с моим взрослым другом в поездку за хлебом. Для маленького мальчика это было далекое путешествие. Мне помнится, что лошадь медленно тащила повозку по улицам города. На обратном пути возница извлек из потайного места кусок сала, завернутый в чистую ткань, и мы, жуя теплый ржаной хлеб с салом, в хорошем настроении преодолели обратный путь. У калитки меня поджидала мама, взволнованная отсутствием ребенка, и «доходчиво» объяснила мне нежелательность столь долгих отлучек.

С тех дней помню душистый запах ржаного хлеба, и рад ему до настоящего времени. Советская власть, разорив деревни, закупала пшеницу за рубежом. Из этого зерна для населения пекли рафинированный пшеничный хлеб, лишенный специфического хлебного запаха. В конце 70-х годов я вновь встретился с ржаным хлебом, но уже в Риге, и он напомнил мне хлеб детства.

Строительство парка в черте города, можно назвать удачным местным проектом. Среди деревьев в еловом лесу были проложены асфальтированные дорожки, построены павильоны и танцевальная площадка, поставлены характерные для того времени аттракционы – карусели, качели, неизменный самолет,двигающийся по кругу. Парк получился небольшим и уютным. Вход в этот «очаг культуры» был отмечен деревянной аркой.

Интересно, что дорога в парк была похожа на путь к храму с постепенным подъемом к «святому» месту. Вероятно, в этом месте располагалось японское храмовое сооружение или памятник. Справа от дороги еще стояла небольшая бетонная постройка, вероятно, служившая местом для храмового огня.

Необходимо отметить, что молодежь не ограничивалась прогулкой по улице Советской. Она также посещала Городской парк, где вечерами работала танцплощадка. Вход на танцы был платным. После завершающих аккордов инструментального ансамбля, составленного из любителей, шумный поток посетителей парка выплескивался на Советскую, где постепенно таял, разливаясь по темным улицам ночного города.

Улица Окружная

Улица Окружная огибала сопку, вокруг которой строился город, и мы, дети, жившие в южном районе города, считали ее местом далеким и таинственным. Между улицами Окружная и Нагорная располагалось городское кладбище. Горожане говорили об умершем человеке – «Сvezли на Окружную».

Японское кладбище располагалось справа от улицы Окружной на склоне после поворота на улицу Нагорную. После войны за ним никто не ухаживал, и оно приходило в запустение, зарастая кустарником и деревьями. За японскими захоронениями, если двигаться по улице Нагорной, находилось советское кладбище, которое, как и многие другие захоронения в нашей стране, не было благоустроено, и также «дичало» год от года. У входа на кладбище можно было видеть памятный знак послевоенного воинского захоронения, в котором погребены военнослужащие, погибшие в мирное время в результате несчастного случая.

Умерших жителей города везли на кладбище в грузовой автомашине с опущенными бортами кузова, обшитыми кумачом. Гроб стоял на платформе кузова,

покрытой еловыми ветками. У кабины располагали памятник. Чаще всего это была пирамидка со звездой, сделанная из дерева и обтянутая кумачом, или сваренная из металла и покрашенная красной краской. Крест для обозначения могилы использовали редко. У изголовья гроба обычно сидели дети умершего или жена. Другие родственники и знакомые брели за автомобилем, который двигался со скоростью пешехода. Похороны считались пышными, если в последний путь покойника провожали с духовым оркестром.

Корейские похороны запомнились тем, что детей, собравшихся у дома покойного, одаривали сладостями, а траурные одежды были белого цвета.

В шестидесятые годы скорбная процессия уже не проходила через город, а проезжала по его улицам.

В Корсакове, да и на всем Южном Сахалине, не было культовых зданий. Деревянная церковь, стоявшая в посту Корсаковском до русско-японской войны 1904-1905 гг, не уцелела. Религиозные обряды над покойным не проводились. Не будем забывать и о том, что на дворе стояло время воинствующего атеизма. Однако и в этих условиях население не утратило религиозную память и всегда знало дату основного церковного праздника – Пасхи.

В начале улицы Окружной располагались городской молочный заводик и автотранспортное предприятие (АТП). Из ворот АТП выходили на линию такси, автобусы и грузовые автомашины различного назначения. Помнятся желто-красные автобусы 50-годов – ЗИСы, затем светлые ЗИЛы, а позже желтые ЛИАЗы. Наш сосед, дядя Саша, работал шофером городского автобуса и часто брал меня с собой на работу. У автобусов той поры двигатели располагались рядом с водителем, и всю поездку я сидел на теплом кожухе, который покрывал мотор. Обзор дороги с этого места был великолепным, время проходило быстро, поскольку для ребенка важно движение, в которое его сознание вплетает ленты разного смысла и представлений.

Необходимо отметить, что проезжая часть Окружной представляла собой череду огромных грязных луж, которые с трудом преодолевали автомобили, погружаясь в них по решетку радиатора. Однажды автобус дяди Саши сломался и остался стоять в одной из луж. Автопарк был недалеко, и мы пошли за помощью, передвигаясь при бледном свете немногочисленных фонарей по разбитым дощатым тротуарам. Нам встречались редкие прохожие, которые, как и мы, боялись провалиться в грязь и сломать ноги. Деревянные тротуары являлись достопримечательностью города и строились на многих улицах, сльвя опасными для пешехода сооружениями.

Не только лужами и грязью была отмечена улица Окружная. Здесь имелся уголок, привлекавший внимание прохожего. За японским кладбищем стояло красивое японское

здание, к которому вела каменная лестница, огражденная гранитными столбиками. Вдоль лестницы высились рябины. Одно время в этом доме располагалось детское отделение городской больницы. Я был одним из его пациентов и хорошо помню вкусную рисовую кашу с изюмом, которая предлагалась на завтрак.

Недалеко от береговой линии Окружная соединялась с улицей Вокзальной. От Вокзальной в сторону областного центра отходит улица Южно-Сахалинская, бывшая центральной улицей поста Корсаковский. А.П. Чехов, посетивший эти места в 1890 году, в заметках «Остров Сахалин» отмечал, что центральная улица поста вела к каторжной тюрьме и упиралась в ее ворота. Это памятное место не отмечено каким-либо знаком, и ничто не напоминает о его истории.

Улица Промысловая

Улицу Промысловую не найти на современной карте города, поскольку она пропала в квартале пятиэтажных типовых домов, построенных в начале 70-годов. Подобная участь постигла улицы Рыбацкую и часть Октябрьской. Последняя с улицами Портовой, Первомайской и переулком к Центральному ковшу образовывали перекресток, который звался жителями Пять Углов (на современной карте города – «Площадь Рыбаков»). Улицы Промысловая и Рыбацкая располагались параллельно исчезнувшей части Октябрьской. По склону берегового обрыва от Рыбацкой к Портовой проходила тропинка, превратившаяся в теперешний Приморский Бульвар.

В этом районе города на улице Промысловой прошло мое детство. Засыпной домик, в котором жила наша семья, был переделан из японского строения и состоял из двух тесных квартир. В начале Промысловой располагались японские дома. В переулке, соединявшем улицы Промысловую и Октябрьскую, стояли японские бараки. Среди японских домов виднелись частные строения советского времени. В конце улиц Промысловой и Рыбацкой были построены детские сады рыбокомбината и порта. Проезжая часть улиц района находилась в ужасном состоянии – грязные лужи, рытвины и колеи от автомашин просыхали только жарким летом. Вокруг грубо сколоченных ящиков для мусора формировались грязные и зловонные помойки. Покосившиеся заборы и огородики с дощатыми туалетами дополняли эту невзрачную картину. Все дома отапливались каменным углем. Питьевая вода доставлялась автомашиной (отец в порту покупал талоны на ее доставку) или жители ходили с ведрами к водопроводным колонкам, расположенным на улице Морской, что проходила ниже Октябрьской.

Жизнь большинства взрослых жителей города проходила в борьбе с тяжелыми условиями быта. Мы, дети, воспринимали жизнь такой, какой она была, поскольку не знали другой. Память сохранила некоторые эпизоды из жизни улиц.

Улица Рыбацкая заканчивалась пустырем с ржавым японским танком. Мы часто играли вокруг этой, уже не страшной машины, башня которой валялась рядом. В один из пасмурных дней трактор поволок танк на металлолом, и он, лишенный гусениц, понуро тянулся за буксиром на разутых катках, погружаясь в глубины уличных луж. Вероятно, для правильного восприятия истории танк необходимо было оставить следующим поколениям в качестве знака времени, но, к сожалению, наше сознание запаздывает в принятии верных решений, и метки прошлого исчезают в пространстве.

Второй эпизод – колонна танков «Т-34» движется по улице Октябрьской к Пяти Углам, а затем к порту. Ревут моторы, танки погружают гусеницы в необъятные лужи, а в башенных люках покачиваются танкисты. Для мальчишек картина интересная, а вот улица в один момент превратилась во «фронтной» проселок.

Следующие эпизоды также связаны с техникой – военные грузовики заполняют улицы и площадь перед воротами Южного пирса порта. Мы наблюдаем эту картину с берегового обрыва. Грузовики погрузят на корабли и повезут на целину для уборки хлеба.

На улице таракание мотора, похожего на мотоциклетный, но это не мотоцикл, а японское трехколесное транспортное средство, близкое к нему. Как его «оживили» новые владельцы, не знаю, но оно двигалось.

Остановлюсь также на поиске японских тайников, о которых знал каждый сахалинский мальчишка тех лет. Японцы, уходя с острова, зарывали на пустырях и огородах домашнюю и кухонную утварь.

Однажды группа ребят нашего района собралась у берегового обрыва. Всех интересовала мраморная плита с выбитыми на ней иероглифами. Кто-то высказал мнение, что она хранит «клад». Плиту подняли и сбросили с обрыва, но тайника под ней не оказалось. Разочарованные кладоискатели разошлись по домам. Вероятно, мы как варвары уничтожили памятный знак, основная «ценность» которого заключалась в надписи. В другой раз «юным поисковикам» повезло – на одном из огородов в районе Рыбацкой они обнаружили тайник с посудой и комнатными украшениями – статуэтками из фарфора и дерева.

Морское сообщение между Корсаковым и Владивостоком

До середины шестидесятых годов, пока не наладилось воздушное сообщение между Южным Сахалином и Хабаровском с использованием воздушных лайнеров «ИЛ – 18», большинство людей прибывали на Сахалин или покидали остров морем. Регулярные рейсы между Владивостоком и Корсаковым выполняли пассажирские суда «Приморье» и «Приамурье». Их отличали широкие черные корпуса и белые надстройки. Путь по морю занимал около 40 часов. В Корсаков суда приходили утром, и швартовалось к Южному

пирсу, где располагался морской вокзал. Пассажиры с помощью носильщиков доставляли багаж к автобусной остановке на улице Портовой, чтобы следовать к железнодорожному и автобусному вокзалам. Поздним летом прибытие в город пассажирского судна превращалось в маленькое красочное представление – пассажирский причал, мостовой переход и портовая площадь заполнялась людьми, навьюченными узлами, чемоданами, ящиками с фруктами. На острове фрукты всегда ценились и стоили больших денег.

Дорога на Южно-Сахалинск

Шоссейная дорога от Корсакова до Южно-Сахалинска (в народе он зовется «Южный») до 1965 года не имела твердого покрытия. Она начиналась от улицы Южно-Сахалинской и петляла между сопок грунтовой лентой. Поездка превращалась в испытание тряской и пылью. Серая дорожная пыль покрывала одежду и открытые части тела путешественника. Положение изменилось после реконструкции трассы – дорогу расширили, спрямили и положили асфальт. Шоссе обходило населенные пункты, что избавило жителей придорожных поселков от массы неудобств, вызванных движением автотранспорта под окнами домов. Путешествие из Корсакова в Южно-Сахалинск превратилось в комфортабельную поездку, которая занимала около 40 минут.

Недалеко от Южно-Сахалинска от дороги отходило асфальтированное шоссе на поселок Охотский. Эта магистраль острова обрела твердое покрытие по воле областного партийного «вождя», дача которого располагалась в районе этого поселка на озере «Гунайча». Долгое время сахалинским «вождем» был Павел Леонов, запомнившийся тем, что, во время советских праздников он, не зная усталости, провозглашал здравицы в честь далекого Леонида Брежнева. Правление Леонова на острове закончилось в середине 70-х. Последним «новшеством», с помощью которого он хотел поправить дела в сельском хозяйстве острова, стала заготовка веток деревьев на корм скоту. Затем Леонов был переведен в город Киров (старый русский город Вятка), где продолжал «революционное» направление в кормозаготовке.

Пассажирский вагон

Дизельный пассажирский мотор-вагон (мотриса), ходил по маршруту Корсаков – Южно-Сахалинск. С появлением твердого покрытия на шоссе, соединявшем города, и развитием автобусного сообщения, ее значение в перевозке пассажиров уменьшилось. Рейсы стали выполняться только утром и вечером.

При движении вагон «мотрисы» сотрясался от работы дизеля. Поездка занимала чуть менее часа. «Мотриса» первой начинала перевозку пассажиров после жестоких снежных буранов.

Железнодорожные вокзалы в Корсакове и в Южно-Сахалинске, как и железная дорога, были построены японцами и сохраняли свой первоначальный вид.

Железнодорожный путь от Корсакова до поселка Соловьевка проходит у моря и лежит на месте грунтовой дороги, которую А.П.Чехов в путевых записках «Остров Сахалин» (1890 г) называл веселой – «...направо глинистые крутизны и осыпи, кучерявые от зелени, а налево шумящие море.... Вот крутой берег прерывается длинной и глубокой долиной... В настоящее время здесь тюремные огороды и стоят только три поселенческие избы. Это – Первая Падь».

В наше время вид крутизны и осыпей также радовал путешественника «веселым» видом, но берег был защищен от разрушительного воздействия морских волн бетонной стенкой. В Первой Пади домов с огородами стало больше, и их крыши весело выглядывали из густых зарослей кустарников и высоких трав. За Первой Падью на берегу залива располагались станы рыболовецких бригад с кунгасами (лодками) и этот вид не менялся до поселков Вторая и Третья Падь. Эти поселения обозначались по склонам долин домиками японской и отечественной постройки.

За поселком Соловьевка железная дорога уходила от берега и до Южно-Сахалинска пролегла по унылой местности с чахлой растительностью, но взгляду пассажира по обе стороны равнины открывались далекие горные хребты.

Звуки города

В каждом городе живут свои звуки. Эта истина верна и для Корсакова. Первой звуковой достопримечательностью города, несомненно, являлся «ревун» – сирена (сигнальный гудок), издававшая звук, похожий на крик зверя. Сирену включали в порту, когда с моря наступал туман. Повторяясь, раз за разом, ее звук повисал над морем и городом. Настойчивость сигнала говорила о скором приходе на берег ключев тумана, богатых капельками воды.

Следующий звуковой ряд, характерный для морского города, также доносился из порта. Скрежет и другие грубые звуки вызывались падением металлического лома при погрузке его в трюм судна. Добавим к этому пронзительные свистки маневрового паровоза, толкавшего вагоны по подъездным линиям порта. Паровоз оповещал о своем движении не только любителей ходить по железнодорожной колее, но и корейнок с детьми, собирающих на путях уголь, который высыпался из щелей в днищах и бортах вагонов.

Особые звуки порождали морские суда. Это были басовитые и серьезные гудки больших теплоходов, эхо от которых долго плутало в сопках города, и пронзительные звуки, издаваемые сиренами вспомогательных судов и буксиров.

Для каждого времени характерны свои звуки. Так, до начала 60-х годов город оглашался паровым гудком Фабрики картонных ящиков, который оповещал жителей о начале и окончании рабочего дня, а также о наступлении полудня. Позднее власти сообразили, что у большинства граждан имеются часы, и отменили этот «пролетарский» способ оповещения населения. Полуденный гудок можно было оставить в качестве городской достопримечательности. Так, известно, что в Петербурге с давних времен в полдень стреляет пушка.

В звуковую картину города свой вклад вносили Вооруженные Силы. Они гремели на земле, в небесах и на море. С моря можно было услышать стрельбу по плавающей мишени, которую тянул за собой буксир, автоматических пушек сторожевых кораблей. Мишень представляла собой сооружение из двух корпусов, связанных палубой, на которой крепились мачты с полотнищами парусины между ними. Большую часть времени мишень проводила в ковше у причальной стенки.

Характерные звуки, похожие на кашель, издавали сторожевики, проверявшие на рейде работу дизельные двигателей.

Дополняли звуковую картину ревом турбин истребители с аэродрома на окраине города. После ликвидации этого авиационного соединения в небе над заливом стали стрекотать вертолеты «МИ-4», входившие в состав ВМФ.

Одно время город оглушали взрывы, с помощью которых производили углубление фарватера к одному из ковшей.

Наконец, город часто оглашался звуком «сирен» службы гражданской обороны. Последнее мероприятие проводилось регулярно, вероятно, для проверки системы экстренного оповещения населения.

В мое время звуки автомобильных сирен не оглушали город без серьезного повода, но в центре города улицы наполнились звуками автомобильных моторов. На окраинах автомашины появлялись редко и их двигатели оглушительно ревели, когда они проползали по улицам, проложенным по городским склонам.

Среди автомобилей того времени преобладали грузовики – «ГАЗ-51», «ЗИСы» (Завод имени Сталина), а затем «ЗИЛы» (тот же завод, но имени Лихачева). Военные пользовались грузовиками «ЗИЛ-151», «ГАЗ-51», а позднее «ГАЗ-66» и «Урал». Машиной Скорой медицинской помощи долгое время служил фургон на базе автомобиля «ГАЗ-51». Пожарные машины были представлены «ЗИЛами».

Легковые автомобили «ГАЗ-Победа», а затем «ГАЗ 21-Волга» использовались в качестве такси. Военные совершали поездки по городу на вездеходах «ГАЗ-49», которые среди детей звались «козликами».

На улицах города долгое время появлялась старая полуторка, которую поддерживали на ходу в одном из предприятий. За рулем этой машины сидела женщина. В отделе механизации порта, где работал отец, некоторое время эксплуатировался американский «Додж $\frac{3}{4}$ », попавший в нашу страну по линии поставок (Ленд-Лиза) в годы войны.

Личные автомашины в то время были большой редкостью. В нашем районе только два человека имели автомобили. Один из них работал «художником-оформителем». Он содержал послевоенный «Москвич», который с трудом переносил сахалинские дороги. Второй автолюбитель работал в воинской части и относился к умельцам, которые в советское время собирали автомобили из разного хлама. Этот человек разъезжал по городу на известном каждому знатоку автомобилей вездеходе «Виллис». Периодически на базу своей машины он ставил корпус амфибии, поражая жителей города диковинным видом своего транспортного средства.

Для передвижения по городу и окрестностям население использовало мотоциклы и мопеды. Марки мотоциклов – «ИЖ-49», «ИЖ-56», ИЖ-Планета», ИЖ-Юпитер, «М-72», «Ирбит», «Урал» и редко «Днепр». Последние четыре относились к тяжелым машинам и эксплуатировались с коляской. Мотоциклисты были не только полноправными участниками движения, но и вносили свой вклад в звуковую «гамму» города. Рокеров в нынешнем понимании этого слова в то время не существовало, но находились любители быстрой езды. Один из них, молодой человек лет двадцати, некоторое время оглашал город ревом своего мотоцикла, когда проносился на большой скорости по центральным улицам, но вскоре он погиб, не вписавшись в один из поворотов. Необходимо отметить, что такая обязательная деталь экипировки современного мотоциклиста, как шлем («каска»), стал вводиться только во второй половине 60-х годов. Некоторые владельцы мотоциклов использовали для защиты головы танковый шлем или каску портового рабочего.

Кроме общегородских звуков на окраинах слышалось кудахтанье кур, пение петухов, мычание коров и лай собак.

Особые звуковые картины создавались жителями города. Люди того времени любили петь хором во дворах и на улицах во время разного рода застолий и праздников. Привожу строки некоторых известных песен, входивших в репертуар поющих – «Ой, мороз, мороз не морозь меня...», «Ой, цветет калина в поле у ручья, парня молодого полюбила я...».

В любое время дня, но редко, можно было слышать пьяные ссоры или перебранку соседей.

О звуках, источником которых была природа, следует рассказать отдельно. Основные природные звуки – шум морских волн, ветра и дождя. Подробно о музыке природы в посту Корсаковском рассказал А.П. Чехов – «...море глухо шумело, и звездное небо хмурилось,... слышались рев и свист,... сильный ветер гнул деревья, море ревели, а дождевые капли при особенно жестоких порывах ветра...стучали по крышам, как мелкая дробь». Характерно, что картину буйства моря, ветра и дождя писатель наблюдал в сентябре.

К ветру человек, живущий у моря, прислушивается особо, поскольку его усиление предполагает ухудшение погоды. В это время ветер гудит в печной трубе, отрывает с крыш кровлю и обрушивает на берег пенные валы морских волн. Все живое замирает и ждет умиротворения в природе. Стайки воробьев прижимаются ветром к земле и не понимают, что им мешает перелетать с одного места на другое.

В летнюю пору житель города слышит веселое чириканье воробьев, карканье черных ворон и крики стрижей. Стрижи – гордые и стремительные птицы, гнездящиеся на скалистых обрывах береговой линии, и редко кто видел их вблизи. В то же время имеется простой способ, позволяющий сделать это – необходимо встать у берегового обрыва и подбрасывать над собой клочки сорванной травы. Стрижи заметят появление в воздухе летящих травинок и начнут подхватывать их налету не только под обрывом, но и над головой, оглашая полеты пронзительными звуками. Зрелище захватывающее – стремительные птицы одна за другой с шумом рассекают воздух рядом с человеком в надежде добыть траву, которую они, вероятно, используют для еды или постройки гнезда.

На этом заканчиваю описание звуков моего городка. Нельзя назвать его полным, вероятно, кто-то слышал и другие звуки, но я сохранил в памяти именно эти звуковые «файлы».

Питание населения, магазины и торговля

Различного рода социальные и экономические катастрофы, переживаемые страной Советов, сказывались, в первую очередь, на питании населения. Сахалин не оставался в стороне от продовольственных проблем, хотя он приравнивался к северным районам и снабжался продовольствием по нормам, которые превышали показатели, определенные для центральных регионов.

Последние годы правления Никиты Хрущева запомнились очередями за хлебом, сахаром, крупами и сливочным маслом. Мама брала в очереди меня и сестру, чтобы купить выдаваемый продукт на представленного человека. Продуктовые карточки не вводились, но очереди выматывали людей, внушая на всю жизнь стойкое к ним отвращение.

В это время газеты печатали материалы о кукурузе, выращивание которой представлялось в качестве способа решения продовольственной проблемы. Повсеместное внедрение этой культуры не обошло стороной и Сахалин. Под Корсаковым кукурузное поле с располагалось за селением Новая (до начала 60-х годов местные жители называли его японским словом «Фуромаки»), что по дороге на Охотское. Оно производило жалкое впечатление – в сахалинском климате кукуруза едва достигала высоты колена. Как и многие другие, кукурузный сельскохозяйственный эксперимент Советской власти закончился провалом.

Хлеб в магазины города поступал с хлебозавода, который находился в начале улицы Южно-Сахалинская. Основная продукция завода – «кирпичики» хлеба, выпекавшиеся из серой или белой муки. Помнятся также круглые булочки с обсыпкой и незамысловатое изделие под названием «Жаворонок». У этой «птицы», которая мало походила на жаворонка, глаза делались из двух изюминок и дети съедали их в первую очередь.

В одну из снежных зим, когда очередной циклон погрузил город в огромные сугробы, хлебозавод остановился, и хлеб доставляли из областного центра на гусеничных вездеходах. Продавали его по очереди – одна буханка в руки.

В Корсаковском районе вкусный и пышный белый хлеб выпекали в поселке Озерский. Каждый, кто бывал в Озерском по каким-либо делам, обязательно покупал «произведение» местных хлебопеков.

Как известно, мерилom Советской жизни была колбаса. Вареная колбаса попадала на наш семейный стол и в будни, а вот копченая «доставалась» к праздникам.

Несколько слов о визитной карточке Сахалина – красной рыбе, которая входила в рацион островитян во все времена. Копченая красная рыба всегда отсутствовала в свободной продаже и также «доставалась». Позднее с прилавков исчезли соленая, а затем и свежая красная рыба. Красная икра, хотя и имелась в магазинах, но после реформы 1961 года она стоила дорого – до 20 и более рублей за килограмм. На эти деньги можно было купить 20 кг сахарного песка.

Продукты питания продавались населению несколькими организациями. Мощной торговой сетью обладал «Корсаковторг», управление которого располагалось в двухэтажном здании в начале улицы Корсаковской рядом с городским рынком.

В Корсаковском районе и городе торговой деятельностью также занималась потребительская кооперация – «РЫБКООП». Контора этой организации размещалась в одноэтажном здании в исчезнувшей части улицы Октябрьской неподалеку от Пяти Углов. Рядом с Пятью Углами «РЫБКООП» имел универмаг, на первом этаже которого

продавались продукты, а на втором – одежда, обувь, ткани и другие промышленные товары. Предметы спортивного и культурного назначения, канцелярские изделия, мото- и велотехнику можно было купить в магазине «РЫБКООПа» напротив поворота от улицы Портовой к Южному пирсу. Там же на прилавок выкладывались книги. В связи с этим расскажу о других местах продажи «духовной пищи».

Магазин Книготорга «Книги» располагался напротив здания милиции на улице Советской. Книжный магазин, как городской «храм» художественной, специальной и учебной литературы, заслуживает отдельных слов. В нем я покупал свои первые книги. Из них помнится «Справочник пионера», приобретенный на карманные деньги, в котором излагались советы по жизни на природе. В этом же магазине покупались школьные учебники – они пахли типографской краской и манили новыми знаниями.

Небольшой книжный магазин содержался торговой организации «ВОЕНТОРГ». Он размещался на первом этаже здания советской постройки рядом с Комсомольской площадью (в другом крыле этого дома находилась Детская библиотека). На моей книжной полке до сих пор хранится англо-русский словарь, изданный в 1962 году и приобретенный в этом магазине. С появлением электронных словарей, я редко им пользуюсь, но бережно храню, как частичку ушедшего времени.

Магазины с вывеской «Товары по сниженным ценам» у нас, детей, пользовались особым вниманием и звались «уцененными». В начале 60-годов на торговых прилавках страны появились «товары народного потребления». Советская промышленность производила их в плановом порядке, но низкого качества, что даже в условиях товарного голода они плохо продавались и попадали на полки «уцененных» магазинов. Там же реализовывались товары с какими-либо повреждениями. Магазины «уцененных» товаров любили посещать не только дети, но и взрослые. Разного рода умельцы покупали поврежденный товар и возвращали его к жизни, экономя средства семейного бюджета.

Помнится, что в «уцененном» магазине мама подобрала мне демисезонное пальто из ткани, неподвластной времени, и лыжный костюм ярко вишневого цвета. Там же нам с сестрой родители купили велосипед Харьковского велозавода с «дамской» рамой, к которому прилагалась цветная сеточка для заднего крыла, чтобы при поездке подол женского платья не попадал в спицы колеса. У машины было повреждено красочное покрытие. Мальчишки «шутили» над моей «женской» машиной, имея в виду ее раму. Сетку на крыло я не надевал, а к шуткам относился спокойно.

Городских мальчишек, интересовал определенный ассортимент товаров «уцененных» магазинов. Так, вниманием юных фотографов пользовались просроченная фотопленка и химикаты для ее обработки. Порой эти «материалы» подводили любителей

«остановить мгновение», но их дешевизна покрывала неприятности, обусловленные потерей качества.

Городской рынок располагался у моста через речку Корсаковку в районе торговых баз и складов. Здесь работали магазины всех торговых организаций города и района. В субботние и воскресные дни на рынок приезжали автолавки из других городов области. Немногочисленные частники выставляли на продажу овощи, мясо и молочные продукты.

Особым видом торговли была продажа керосина, который население широко использовало для приготовления пищи на примусах (нагревательный прибор с насосом, подающим горючее к горелке) и керогазах (бесшумный примус). Продавался керосин из цистерны на базе автомобиля «ГАЗ-51», прибывавшей по расписанию в тот или иной район города. К назначенному времени покупатели собирались у автомашины с емкостями для керосина. Роль продавца исполнял водитель, который разливал керосин из ведра, используя металлическую мерную кружку и воронку.

Обоз ассенизаторов и пригородные огороды

Большинство домов в городе не имело канализации, и население обходилось незамысловатыми уличными уборными. Выгребные ямы туалетов многоквартирных домов и общественных зданий очищала коммунальная служба города, которая содержала ассенизаторский обоз, состоявший из десятка двухколесных повозок на больших колесах, представлявших собой ящик для перевозки нечистот, запряженных большими и сильными лошадьми. При движении обоза по улицам города ассенизаторы, одетые в брезентовые робы, гордо восседали на ящиках повозок. В качестве орудий труда они использовали черпаки с длинной деревянной ручкой, сделанные из ведер.

Обоз курсировал по городу, выполняя незамысловатую работу, и, несомненно, был его достопримечательностью. После появления специальных автомашин для вывоза нечистот (АС-машины) обоз с ассенизаторами безвозвратно исчез во времени.

Содержимое отхожих мест вывозилось на пригородные огороды без предварительной обработки, что на какое-то время превращало эти места в зоны «химического заражения», которые граждане преодолевали, задерживая дыхание.

Огородничество на бедных сахалинских землях являлось успешным только при внесении удобрений, которыми служили навоз и содержимое уличных туалетов. Последнее приводило к тому, что взрослые и дети заражались глистами (чаще аскаридами). Власти проводили компании по предупреждению заражения глистами. В школах и общественных местах развешивались плакаты и листовки, призывавшие к мытью рук перед едой и обработке овощей перед использованием их в пищу. Школьникам раздавалось противоглистное средство под названием «Пиперазин».

В то время садоводства еще не имели права на жизнь, но многие горожане, чтобы поддержать свой низкий доход, занимались огородничеством. Так, работникам торгового порта какое-то время в поле, что лежало вдоль дороги на Корсаковский маяк, нарезались борозды для посадки картофеля.

Вся территория от города до маяка была занята огородами с убогими ограждениями, предохранявшими посадки от набегов скота. После уборки картофеля на пригородных огородах появлялся старик кореец с мотыгой и заплечным мешком. С этим незамысловатым инструментом он обходил убранные участки, на которых ворошил мотыгой землю и находил клубни, пропущенные при сборе урожая. В течение дня этот «охотник за картофелем» собирал до половины мешка картофеля, который он нес домой, сгибаясь под его тяжестью.

В черте города на приусадебных участках и пустырях горожане выращивали картофель, редис, морковь, белокочанную капусту и другие огородные культуры. На участках корейцев можно было видеть китайскую капусту (кимчи). Теплицы были редкостью, поскольку полиэтиленовая пленка еще не вошла в обиход, а стеклянные рамы, необходимые для этих сооружений, являлись дорогим удовольствием.

1961 год – денежная реформа и день 12 апреля

Денежную реформу и повышение цен жители города ожидали заранее, и каждый старался, по возможности, до 1 января 1961 года купить что-либо из продуктов. В магазинах возникали очереди. Покупали, в основном, сливочное масло, жиры и крупу.

После реформы в газетах и журналах печатался рисунок, на котором была изображена рука, тянущаяся к брошенной монетке – копейке. Власти убеждали народ, что в результате реформы она стала весомым денежным знаком. Действительно, денежную мелочь не меняли, и ее номинал вырос. В среде младших школьников ходили истории о мальчишках и девчонках, которые собирали в копилках (в то время они продавались в виде кошек или свинок) денежную мелочь и после реформы «разбогатели». Взрослые таких историй не рассказывали.

Вечером первого дня наступившего года новую 3-х рублевую бумажную купюру мне показал мальчишка с нашей улицы. Помнится ее зеленый цвет и упругость бумаги, которая еще не была в обращении.

День 12 апреля, когда Юрий Алексеевич Гагарин полетел в космос, выдался в Корсакове пасмурным и слякотным. В этот день наш класс собирал металлолом, и мы волокли тяжелую «железяку» к береговому обрыву, под которым находились бомбоубежище и школа. Планировалось спустить ее по склону, а затем дотащить до школьного двора. На пути к обрыву прохожий сообщил нам о том, что по радио сообщают

о полете человека в космос, но мы не оценили важности события и продолжали свое дело. «Железяка» была доставлена к обрыву и сброшена вниз. Она полетела, набирая скорость, попала в забор бомбоубежища и выбила в нем несколько досок.

Митингов и шествий в городе по случаю полета человека в космос не проводилось. Остаток дня прошел буднично, и каждый занимался своим делом.

Предвыборная кампания

Подготовки к выборам начиналась с организации в городе избирательных участков. В нашем районе один из них располагался в здании правления РЫБКООПа, что на улице Октябрьской, а другой – в школе № 2. На уличных заборах и на досках объявлений вывешивались извещения о проведении в помещении участка мероприятий с участием кандидата в депутаты или какого-либо «ответственного лица». Но информация, интересовавшая детей и взрослых жителей района, содержалась в конце объявления – она обычно гласила, что по окончании официального мероприятия будет демонстрироваться художественный фильм. К моменту завершения малолюдной официальной части мероприятия к агитпункту начинали подтягиваться взрослые и дети. Напомню читателю, что в те годы ТВ еще не пришло на остров, и кино являлось основным развлечением жителей, поэтому предстоящая демонстрация кинофильма собирала желающих провести вечер за бесплатным и приятным занятием.

После просмотра продукции «советских фабрик грез» зрители расходились по домам, которые мало отличались от трущоб, погружаясь в темноту грязных улиц, разрываемую тусклым светом редких фонарей.

На Сахалине развитие ТВ началось после 1961 года с передач местного телевидения, которые включали новости и незамысловатые программы. Завершался телевизионный вечер показом художественного фильма. Позднее, с появлением системы «Орбита», стали демонстрироваться программы Центрального ТВ. Приход в дома сахалинцев ТВ привел к тому, что городские крыши покрылись множеством самодельных антенн. Каждый владелец телевизионного «ящика» ставил свою антенну, направляя ее в сторону Южно-Сахалинска. Находились умельцы, строившие антенные системы, с помощью которых они пытались получить телевизионную картинку и звук с ближайшего к Сахалину японского острова Хоккайдо.

Лекции о международном положении

В советское время одной из форм государственной пропаганды были лекции о международном положении, которые читались заезжими лекторами. Необходимо отметить, что устное изложение проблем международной жизни пользовалось большой популярностью. Советские средства массовой информации скрывали истину от жителей

страны, а от лекции слушатель ждал маленькой, но правды. Следует признать, что правда эта не касалась существа строя, личности вождей или их деяний. Она давалась слушателю в небольшой дозе, и приобщение к ней вводило человека в число людей, посвященных, как им казалось, в тайну.

Например, во время Вьетнамской войны лектор сообщал о том, что вьетнамские летчики не могут успешно летать на реактивных самолетах по слабости здоровья, а в сообщениях средств массовой информации они представлялись бравыми ребятами, успешно противостоявших американцам.

Лекторы умели держать внимание слушателей и успешно отработывали свой «хлеб с маслом». Из лекторов мне запомнился сын известного в царское время сахарозаводчика Терещенко, который отличался от остальных пропагандистов. Он прожил долгое время в США, но затем вернулся на Родину. Интересны были его рассказы о повседневной жизни Америки.

Так, он рассказывал о китайской прачечной, в которой ему возвратили авторучку, забытую в кармане рубашки, предварительно упаковав ее в бумажный пакетик. Он не «громил» американский империализм, а рассказывал о другой жизни, ратуя о восприятии положительных сторон жизни в Штатах. В то же время, сам по себе приезд Терещенко был актом агитации за советскую жизнь.

Из лекций следовало, что политика Коммунистической Партии и Советского Правительства верна и успешна, а отдельные трудности будут преодолены.

В старших классах я интересовался различными вопросами жизни других стран мира, черпая сведения из доступных источников – еженедельников «Новое время» и «За рубежом», журналов «Вокруг Света», «Наука и жизнь» и «Техника молодежи». В них печатались не только материалы, отражающие линию Партии, но и содержательные обзоры по науке и технике, медицине и географии, другим направлениям жизни мирового сообщества.

Чтение советских еженедельников и популярных журналов не способствовало переоценке основ Советской жизни. Трудности и проблемы, стоявшие перед страной представлялись временными, объяснялись прошедшей «горячей» и настоящей «холодной» войной. Взрослое население, которое испытало на себе ужасы коллективизации, репрессий и войн, только-только отходило от этих катастроф, страшилось перемен и ограждало детей от истинного знания прошлого и настоящего, зная, что в Советской стране опасно знать правду. Мама все повторяла известное выражение – «Только бы не было войны».

Еженедельники покупались на карманные деньги в киосках «Союзпечати» (их цена не превышала 15-20 копеек), а журналы читались в библиотеках – школьной, Детской городской и при клубе рыбокомбината.

Несколько слов о «вражьих голосах», которые вещали на Советский Дальний Восток – радиостанциях «Голос Америки» и «Свобода». Первая станция практически не глушилась, вторая – забивалась «качественно». Японское радио также имело небольшую передачу на русском языке. Не могу сказать, что «голоса» привлекали меня политическими вопросами и определяли сознание. Большой интерес представляли электронные мелодии, передаваемые множеством японских радиостанций.

Простой радиоприемник появился в нашей семье в конце 50-х годов. Это был «Рекорд», который отец купил после стояния в многолюдной очереди. Он относился к III классу устройств и не мог обеспечить качественного приема передач как советских, так и зарубежных радиостанций. Покупка радиоприемника была серьезным семейным событием. Приемник работал на лампах в диапазонах длинных, средних и коротких волн, а также имел проигрыватель пластинок со скоростями 78, 45 и 33 оборота в минуту. Транзисторные радиоприемники стали входить в обиход лишь в середине 60-х годов.

Дома у нас хранились пластинки на 78 оборотов с советскими и народными песнями и мы, дети, часто их проигрывали. Поиск радиостанций на различных диапазонах также представлялся делом интересным, поскольку расширял границы внешнего мира. Днем у радиоприемника была плохая чувствительность, но ночью сигналы станций проходили лучше, и положение менялось. Так, во время арабо-израильской войны 1967 года на коротких волнах мне удалось в пятом часу ночи «поймать» передачу радиостанции Израиля на русском языке, в которой сообщалось о битве на Синайском полуострове.

События внутри страны и вне ее границ интересовали отца. Он регулярно читал газету «Труд», которая привлекала его больше других, вероятно, по причине меньшей по объему пропаганды. Мне запомнилось, как на нашей крошечной кухне он знакомился с материалами XX съезда партии. Ему, крестьянскому сыну, хотелось верить, что после разоблачения зла наступит жизнь по законам правды, но его вновь обманули. Зло приняло новые формы, хотя и лишилось некоторых «зубов».

ОКРЕСТНОСТИ ГОРОДА

Маячная сопка

Корсаковский маяк, открытый всем ветрам, стоял на сопке в нескольких километрах от восточной окраины города. В комплекс маяка входили капитальные

сооружения – маячная башня, технические и жилые помещения. Маяк разрывал темноту ночи лучом света и посылал в определенном ритме радиосигналы.

С ребятами нашей улицы мы часто ходили в район маяка, и когда звали друзей на эту прогулку, то говорили – «Пойдем на маяк!».

У основания маячной сопки проходила дорога, а в прореженных лесках и заброшенных укрытиях для самолетов буйствовали заросли малины. Мы лакомились душистой ягодой, пили воду из родников, выходявших на поверхность земли у основания сопки. Вечером, по дороге домой, каждый из нас оглядывался, прощаясь с провожавшей нас маячной сопкой, освещенной заходящим солнцем.

Исчезнувшая «Нечаевка»

Сегодня населенный пункт с названием «Нечаевка» не числится среди поселений Корсаковского района. Он существовал до начала 60-тых годов и располагался на полпути из Корсакова к Пригородному, если следовать по берегу залива. Можно предположить, что своим названием поселок обязан советским властям, чтившим С.Г. Нечаева (1847-82), организатора тайного общества «Народная расправа», автора «Катехизиса революционера» и убийцу студента И.И. Иванова.

Располагалась Нечаевка в живописном распадке с небольшой речушкой. Аккуратные деревянные дома с цветниками и огородами тянулись по левому склону распадка, если стоять лицом к морю. У моста через речку находился примитивный холодильник для хранения рыбы, добытой бригадами прибрежного лова. Он представлял собой деревянное строение, набитое льдом, стены которого были заполнены опилками.

Мы с ребятами нашей улицы часто приезжали в Нечаевку летом на велосипедах, где удили рыбу. Нечаевка также была известна небольшим водопадом, который располагался в километре от поселка у дороги на Корсаков. Водой из этого источника заправлялись автоцистерны, доставлявшие воду в местную воинскую часть и город. Морской берег и обочина дороги от города до Нечаевки представляли собой безобразную свалку – на всем протяжении они были покрыты горами масок и коробок противогазов, бытовым и прочим мусором.

Нечаевка исчезла с лица земли, когда прекратился прибрежный лов, и только развалины на месте домов напоминали о том, что здесь когда-то жили люди. Позже, неподалеку стала формироваться городская свалка, и окружающая местность окончательно пришла в запустенье.

Пригородное

Поселок Пригородное жители Корсакова долгое время называли японским словом «Мерей» по названию реки, которая в этом месте впадает в море. По своим размерам она,

вероятно, была самой большой на восточном побережье залива Анива. Заболоченное устье реки делило Пригородное на две части. Начинался поселок на склоне сопки, обращенной к долине Мереи, а продолжался на пологой возвышенности за мостом через реку. Первая и вторая части Пригородного соединялись дорогой, которая проходила вдоль песчаного пляжа.

Пригородное открывалось прохожему крышами японских построек, закрытых от ветра земляным валом. Бараки и дома жителей располагались за зданием армейской японской казармы и небольшими домиками командного состава. В бывшей казарме располагалась школа. Рядом с постройками находился памятный знак, который был поставлен японцами на месте высадки десанта во время русско-японской войны 1904-1905 гг. О японском гарнизоне, охранявшем побережье, свидетельствовали не только казарма и офицерские домики, но и амбразуры двух пулеметных дотов, смотревших на береговую полосу при въезде и выезде из поселка. За мостом вдоль береговой линии долгое время виднелись обвалившиеся траншеи, которые со временем поглотило море. Не исключено, что японцы готовились к отражению американского десанта, поскольку с 1941 по 1945 гг Япония находилась в состоянии войны с США и над Южным Сахалином появлялись дальние американские бомбардировщики.

Вторая часть поселка располагалась за мостом через Мерею. За ним дорога, уходившая к поселку Озерскому, удалялась от берега, а дома поселка оставались у береговой линии.

В пятидесятые годы дорога от Нечаевки до Пригородного проходила по берегу моря, а на завершающем этапе – по склонам сопки. После ликвидации аэродрома была открыта аэродромная дорога, позволявшая сократить путь от города до Пригородного. Она начиналась за улицей Кирпичной и выходила к берегу моря в нескольких километрах от поселка. Военные «украсили» это место, бросив ржаветь на мелководье старый тральщик. Дорога, лежавшая вдоль береговой линии, со временем утратила свое значение и превратилась в разбитый проселок.

Японцы укрепляли берег, защищая его от разрушительного воздействия морских волн. Остатки защитных сооружений, сделанных из бревен, стянутых железными болтами, можно было видеть на берегах залива. В Советское время эти сооружения не восстанавливались и не ремонтировались, что приводило к поглощению берега морем. В зоне разрушения оказались некоторые дома поселка.

За Пригородным от трассы на поселок Озерский к Мерейской долине уходит дорога, по которой можно проехать к поселку Новый, что стоит у шоссе Корсаков-Охотское. Новый жители Корсакова называли японским словом «Фуромаки». Это селение

состояло из нескольких покосившихся домиков и коровников. Все строения утопали в бурьяне, в котором виднелись покрытые грязью сельскохозяйственные агрегаты. Изредка в поле зрения путешественника попадал местный житель, похожий на случайного человека.

Дорогу на Фуромаки можно назвать красивой – от Пригородного она шла по предгорью, затем спускалась в долину, пересекала реку и по склонам сопки выходила на Охотскую трассу. Много раз я проделывал этот путь на велосипеде и с отцом на мотоцикле. Из Пригородного в Мерейскую долину также можно было пройти по насыпи заброшенной узкоколейной японской железной дороги, которая шла вдоль реки. Дорога эта была неудобна для путешествия, поскольку на этом пути приходилось перебираться с одного берега Мереи на другой по разбитому деревянному мосту.

Позвольте сказать несколько слов о судьбе реки Мерея. Во времена японской колонизации сопки, окружающие ее долину, лишились лесных массивов, что сказалось на местах нереста. Эту ситуацию можно исправить грамотными лесоустроительными работами. Не способствовал нересту летний стан по выпасу скота, который организовывался в долине реки совхозом «Корсаковский». Нынешняя судьба Мереи представляется мне тяжелой, поскольку экосистема реки попала в зону хозяйственных интересов газовых и нефтяных компаний, а промышленность, как известно, не имеет совести.

В начале 60-х годов жизнь в Пригородном стала угасать. Прекратил работу леспромхоз и сократился прибрежный лов. Жители стали покидать обжитое место. Поселок опустел, обозначив себя развалинами домов. Грусть и запустенье поселились здесь вместо людей.

Белокаменка

Белокаменкой именовалась местность с одноименной речкой, расположенная за Пригородным по дороге на поселок Озерский. В этих местах открытые склоны сопки украшены каменистыми отложениями с примесью известняка, что, вероятно, и породило это название.

В районе Белокаменки из распадков к морю сбегают многочисленные ручьи и речушки. Места эти ценились за красоту и служили местом отдыха не только в советское время. На одном из участков морского берега мне встретился обустроенный родничок и фундамент небольшой японской постройки, вероятно, загородного дома. Рядом на морском берегу кипела жизнь – цвел шиповник (дикая роза, которую японцы называют «морское яблоко»), аромат цветов которого кружит голову, на камнях под солнцем грели бока гадюки, существа мирные и безобидные, если их не придавить ногой. Впрочем, они

этого не дожидались и скрывались в кустарнике при появлении человека. Во время отлива обнажалось морское дно и наступало время знакомства с обитателями моря. В этом уголке покоя и красоты хочется отрешиться от городской суеты и наслаждаться мерным шумом прибоя.

Самая высокая точка в районе Белокаменки именуется на карте как «Юнонина сопка» и видна из города, если смотреть в направлении поселка Озерского. По старым лесовозным дорогам и тропинкам можно было взойти на ее вершину, с которой в ясную погоду открывался незабываемый вид на окрестности и Анивский залив. Высота сопки позволяет воображению наблюдателя перенестись в любое место этого пространства.

Мое знакомство с Белокаменкой началось в 1959 году, когда я провел август (вторую смену) в пионерском лагере «Моряк», организованном профсоюзом работников Морского торгового порта.

В те годы детей в пионерский лагерь отвозили не на автобусах, а на грузовых автомашинах автобазы порта, которые готовились для этой поездки – в кузов ставились деревянные скамьи, а замки бортов закреплялись проволокой. Присматривали за детьми взрослые – один из них садился у кабины, другой – у заднего борта. Во время поездки они пресекали шалости детей, которые могли привести к неприятностям. Необходимо отметить, что «портовские» автомашины отличались от других городских автомобилей чистотой и хорошим техническим состоянием. В основном это были пятитонные грузовики ЗИС, а позднее ЗИЛы.

Сбор детей, отъезжающих в пионерский лагерь, проходил на площади у ворот Южного пирса. После посадки пассажиров автомашины колонной двигались к рыбокомбинату и территории окраинной воинской части, а затем вдоль берега уходили к Белокаменке.

Пионерский лагерь располагался в одном из распадков, который открывался после поворота дороги и спуска к реке. Справа от дороги синело море, а слева высилась сопка, доминирующая над местностью. На береговой возвышенности виднелось небольшое кладбище с могилами жителей поселка, который когда-то здесь располагался, и нескольких пограничников. Военнослужащие, как говорили на местной заставе, замерзли, находясь в дозоре, что реально, если попадешь в сахалинский буран, продолжающийся несколько дней. Легко заблудиться в снежной пелене вдали от заставы и потерять дорогу к «обогревателю» – небольшой избушке на фланге охраняемого участка, в которой имеются продовольствие и печка с запасом дров. Сохранились ли эти могилы до наших дней, не знаю, поскольку уже в то время они поглощались бурьяном.

За рекой, справа от дороги у леса располагался лагерь, состоявший из японской постройки барачного типа и нескольких больших палаток. У входа в лагерь стояли привычный «грибок» и деревянная арка с названием лагеря – «МОРЯК».

Днем лагерная жизнь проходила на природе в окрестных сопках, полных ягод, и на берегу моря. Вечерами обитателям лагеря показывались кинофильмы. В это время старшие пионеры также развлекались «охотой на рыжих» из числа младших ребят. Отловленные «рыжие» закрывались в закуток под кинобудкой, но они отрывали плохо прибитую доску и вновь появлялись на территории лагеря, удивляя своим появлением «охотников» за ними.

К ночным развлечениям можно отнести получение каскада искр, который высекался при ударе одного гранитного камня, принесенного с берега моря, о другой. Эта манипуляция проводилась под одеялом и сопровождалась появлением не только искр, но и запаха «жженого пера». Большой интерес у малышей также вызывали гнилушки из старых пней, светившихся в темноте.

Запомнились также игра, в которой пионерские отряды, получив «легенду», искали знамя, спрятанное в окрестных сопках.

В нашем семейном архиве хранилась фотография – по окончании смены отец приехал за мной на мотоцикле, и нас сфотографировали на фоне лагерной арки. Время съемки – 1959 год. «Господи, как это все далеко!» – каждый раз думается мне, когда держу ее в руках, вспоминая ушедшее время.

Застава в Белокаменке

Пограничная застава находилась у дороги, ведущей от Пригородного к Озерскому. У берегового обрыва стояли несколько домиков, наблюдательная вышка и здание казармы, обнесенные забором. С жизнью заставы мы познакомились во время лагерной смены. Экскурсию проводил бравый лейтенант с маузером в деревянной кобуре на боку. Он показал свое оружие и рассказал, что емкость магазина маузера – 25 патронов, а кобуру можно использовать в качестве приклада. Затем пограничники ознакомили нас с пулеметом «Максим» образца 1943 года и дзотом, смотревшим амбразурой на море и береговую линию. Каждый из ребят мог забраться на наблюдательную вышку и осмотреть окрестности в мощный бинокль. Свои способности в задержании нарушителя границы продемонстрировала пограничная собака, настигшая «врага» на склоне сопки. Интересно, что в распадке рядом с заставой располагался полуразвалившийся японский дом, в котором доживал свой век старый кореец, возделывавший небольшой огород. Этот одинокий колонист, как и его пристанище, напоминали о ходе времени.

Японцы с задержанных шхун

Пребывание в Белокаменке помнится также посещением зверосовхоза, который занимался разведением пушных зверей и находился в окрестностях поселка Озерский. Дорога в зверосовхоз была проделана на автомашинах порта. При подъезде к Озерскому обращала на себя внимание небольшая группа японцев, которая под присмотром пограничника неспешно занималась бестолковой работой – «кайлила» склон скалы. Японцы были рыбаками с задержанных морскими пограничниками рыболовных шхун. Их суда стояли в ковше Озерского. Некоторые шхуны затем конфисковались и они, переименованные на новый лад, встречались среди рыболовецких судов, заходивших в гавань Корсакова.

Бедная одежда рыбаков говорила о том, что Япония еще не вышла из послевоенного экономического кризиса. Пройдет десятилетие, и экономика этой страны займет передовые мировые рубежи. Жители Сахалина будут судить о японском экономическом чуде по разнообразию пластиковой и стеклянной упаковки, которую принесут к Сахалину океанские течения.

Новый лагерь «МОРЯК»

В шестидесятые годы пионерский лагерь «Морьяк» покинул Белокаменку. Новым местом отдыха детей стал городок, оставленный военными, что на 7-8 километре шоссе Корсаков-Охотское. От него к лагерю вела дорога, начинавшаяся у деревянного моста через Корсаковку. В то время в долине Корсаковки можно было видеть насыпь и разрушенные деревянные мосты японской узкоколейной железной дороги Корсаков-Охотское, которая, вероятно, была удобным средством передвижения и поддержания жизни в этом районе.

Новый лагерь многое потерял по сравнению со старым. Любителям жизни на природе пришлось забыть о палатках, поскольку детские спальни разместились в капитальных двухэтажных домах. Жизнь в доме далека от романтики жизни в палатке, когда от природы тебя отделяет только брезентовая стенка. Главный недостаток лагеря – отсутствие морского простора, что делало окружающий мир ограниченным.

Морские купания сменились плесканием в мелких заводях Корсаковки. Позднее в лагере был построен бассейн, но он с трудом заполнялся водой из небольшого ручья, в котором водились червеобразные особи белого цвета, похожие на волос. Среди детей распространился слух, что они опасны, поскольку сосут «кровь». При этом множились страхи, но постепенно они прошли, поскольку «белый волос» оказался мирным существом.

Окрестные леса также не радовали, поскольку представляли собой выполненные по линейке искусственные посадки пихты (или лиственницы), а выходы на ближайшие сопки, богатые голубицей, организовывались редко. Лагерная жизнь замкнулась среди домов, спортивной и эстрадной площадок, нескольких павильонов и места, на котором проводились утренние и вечерние построения (линейки) с отчетом командиров отрядов, подъемом и спуском флага.

Жизнь в новом лагере протекала скучно, но и здесь случилось событие, которое помнится всю жизнь – внезапный пожар уничтожил лагерную столовую. Эта постройка загорелась утром. Поскольку она была деревянной, то огонь на глазах у всего лагеря стремительно пожирал строение. От высокой температуры на крыше трещал и лопался шифер, осколки которого разлетались во все стороны. Приехавшим из города пожарным оставалось одно – проследить за завершением феерии огня.

Работа лагеря после пожара не прерывалась, и дети принимали пищу под временными навесами. На месте сгоревшей постройки солдатами строительного батальона в короткий срок была возведена новая столовая.

Дни пребывания в лагере почему-то запомнились процедурой взвешивания детей через две недели после начала очередной смены. Это мероприятие проводилось в медицинском кабинете под наблюдением начальника Корсаковторга, который отвечал за организацию питания в лагере. Можно предположить, что весовые прибавки использовались в качестве показателя эффективности его работы.

Из серой жизни лагеря в памяти остались эпизоды «похода», если его можно так назвать, моего отряда на озеро «Тунайча», что рядом с Охотским. По большому счету озером этот водоем не являлся, поскольку он сообщается с морем, являясь лагуной. Из лагеря до озера нас доставили на автомашине. Палаток отряд с собой не брал, а укрытием от непогоды служил брезент со склада порта, пропитанный цементом. После первой ночевки мы все покрылись цементной пылью. Местность вокруг стоянки была бедна растительностью, а берег озера отличался от побережья открытого моря какой-то пустынностью. Наш пионерский отряд не был единым коллективом и разбежался по окрестности, собираясь только для приема пищи и сна. Пища доставлялась автомашиной в нескольких термосах. Одна из доставок обернулась праздником мороженого, когда на ужин привезли несколько металлических туб с этим «божественным» продуктом.

Из лагерной жизни мне также запомнился песенный репертуар отряда, который включал две бодрые песни – «Средь нас был юный барабанщик...», «Солдаты в путь, в путь... А для тебя родная есть почта полевая...». К открытию лагеря наш отряд выучил героическую песню – «Мы с Буденным ходили на рысях на большие дела... Помнят псы

атаманы, помнят польские паны конармейские наши клинки... На Дону и Замостье тлеют белые кости». Сейчас она воспринимается далекой и странной, но в то время ее исполняли повсеместно. В позднем советском обществе официальные мифы о героике тех дней стали постепенно угасать.

По окрестностям на велосипеде

Велосипед – одно из увлечений моего детства, которое начиналось с «аппарата» на трех колесах, покрытых литой резиной. На этом незамысловатом транспортном средстве я осваивал пространство родной Промысловой. У моего друга Лени Лодикова была подобная машина, и мы устраивали игры с буксировкой велосипедов и форсированием луж. После этих «упражнений» грязь покрывала нашу одежду, что вызывало нарекания матерей. По мере взросления с детского велосипеда убрали одно колесо, что повысило скорость движения, расширило возможности познания и увеличило степень свободы. В последующем мы пересели на взрослые велосипеды, и новые пространства стали нам покоряться.

Поездки по улицам быстро наскучили, и мы стали посещать район маяка и Нечаевки. Позднее появилось второе направление прогулок – Охотская дорога, которая на начальном участке проходила в унылой долине Корсаковки, служившей пастбищем для коров совхоза «Корсаковский», чьи фермы виднелись у поселка Раздольное. На пятом километре дороги имелся правый поворот с деревянным мостом через Корсаковку. От него дорога вела в местные леса и сопки, отделявшие Мерейскую долину от водораздела Корсаковки. В километре от поворота стояла воинская часть, имевшая отношение к Военно-морскому флоту. За этим гарнизоном начинались лесные и полевые дороги, удобные для велосипедных прогулок, по которым можно было проехать к новому лагерю «Моряк».

Заканчиваю описание велосипедных маршрутов по окрестностям Корсакова. Верится мне, что сегодня другие мальчики, на современных двухколесных машинах покоряют те же пространства.

Поход на мыс Анива

Как известно, Сахалин своими очертаниями похож на рыбу, приплывшую к материку, а мыс Анива представляется окончанием одного из ее хвостовых плавников. На мысу в сотне метров от берега стоит скала, выступающая из морской бездны, на которой японцами был построен маяк, уникальный во многих отношениях.

История и технические данные маяка «Анива» опубликованы на сайте <http://www.Sakhalin.ru>. – «Маяк был возведен в 1939 году на скале «Сивучья» и представляет собой круглую бетонную башню с небольшой боковой пристройкой. Высота башни – 31 м, высота огня – 40 метров над уровнем моря. Башня имеет 7 этажей. На цокольном этаже располагались дизельная и аккумуляторная. Второй этаж с пристройкой занимали кухня и продовольственный склад, третий – радиорубка, аппаратная и вахтенный маяка. В верхних этажах располагались жилые помещения команды и склад. Проблесковый осветительный аппарат приводился в движение при помощи часового механизма. В центральной части башни проходила труба, внутри которой был подвешен маятник – гиря весом 270 кг, заводимый каждые 3 часа для вращения оптической системы. Осветительный аппарат вращался в чаше, наполненной 300 кг ртути, используемой в качестве подшипника».

Маяк «Анива» можно считать памятником многим поколениям служащих маячного дела и членам их семей, которые часто выполняют свой долг в неимоверно сложных условиях жизни.

После окончания 9 класса наш класс побывал на Анивском маяке. Отец одной из девочек работал его начальником и пригласил посетить это таинственное место. Большинство ребят и классный руководитель Селиванова Светлана Евгеньевна откликнулись на это предложение, и мы стали готовиться к походу. На собранные деньги были куплены продукты и распределены обязанности по подбору общей экипировки. Одним из элементов снаряжения стала 16-местная армейская палатка.

Первый день похода завершился в поселке Новиково, до которого мы добрались попутным автотранспортом и устроились ночевать в местной школе. С наступлением темноты вокруг школы стали собираться молодые аборигены, подогретые алкоголем, которые с бранью и угрозами попытались проникнуть в здание. Скучность развлечений вызывала у местных жителей повышенный «интерес» к чужакам и желание «разогреться» в перебранке или драке. Во время попытки «штурма» школы в дело вмешался поселковый милиционер, рассеявший нападающих.

При подъезде к Новиково мы обратили внимание на дымящиеся пласты каменного угля, выходящие на поверхность. «Угольная история» Сахалина хорошо известна. Новиковский открытый угольный разрез – одна из ее страниц. С работой разреза нас познакомил геолог предприятия, увлеченный своим делом человек.

Трудно было судить о жизни поселка в период японской колонизации, но постройки того времени говорили, что здесь существовало небольшое поселение, обитатели которого, вероятно, рубили лес и ловили рыбу. Но заготавливали ли они уголь

промышленным способом? Известно, что при японцах уголь на Сахалине интенсивно добывался, и в то время на острове даже работал завод по производству из него синтетического бензина.

Промышленное освоение Новиковского месторождения началось в начале 60-х годов прошлого столетия. Предполагалось доставлять добываемый уголь по автомобильной дороге в Корсаковский порт. Началось расширение старой автотрассы, но вскоре строительство прекратилось. Уголь привозили к берегу моря большегрузными автомашинами Краз и Белаз, а затем на баржах доставляли на судно, которое стояло на рейде поселка. Среди жителей города ходили разные слухи о повышенном внимании государства к углю, добытому в Новиково. Говорили, что во Владивостоке или Советской Гавани он перегружается в вагоны и увозится в глубь страны. Большинство «знатоков» склонялось к мнению, что дело не в угле, а в сопутствующих материалах, необходимых для промышленности.

Следующим этапом похода стал небольшой переход к пограничной заставе на мысе Южный. Когда-то на этом месте располагался рыбацкий поселок, но при нашем посещении мы застали лишь развалины японских домов, покрытые бурьяном. За мысом стояла пограничная застава с жилыми домами, зданием казармы и прожекторной установкой. Офицеры пограничники жили в небольших японских домиках, защищенных земляным валом от ветра с моря. Вероятно, в прошлом эти здания также использовались в качестве жилья для офицерского состава японского гарнизона. Ночевали мы в «Красном уголке» заставы, который служил пограничникам библиотекой и «кинозалом». Нам представилась возможность наблюдать за жизнью заставы изнутри – пограничники уходили в наряды, спали после них, выполняли хозяйственные работы, а прожектористы хлопотали около прожектора, который использовался для осмотра побережья и водной глади Анивского залива в ночное время.

Утром следующего дня мы выступили к мысу Анива («Анива» в переводе с айнского – «находящийся среди гор»).

На одном из сайтов Интернета сказано, что мыс Анива – самый дикий и труднодоступный мыс на Сахалине, но это не совсем верно. Он не дикий, а безлюдный, поскольку являлся пограничной зоной и был закрыт для туристов и путешественников.

Погода радовала солнцем. Под ногами лежали песчаные и каменистые участки берега залива. В этот момент заявила о себе 16-местная палатка. Каждый из мальчишек нес ее на плечах по 30 минут, меняясь с товарищами. Переход с тяжелым грузом на плечах, когда палатка давит на плечи, ноги утопают в песке или бьются о камни, а пот струится по лбу и спине, запомнился каждому из нас.

Каждый из путешественников внимательно осматривал берег в надежде найти выброшенную морем плоскую бутылку из-под «западного» или японского алкоголя, которую мы использовали в качестве фляги. Советский алкоголь и напитки выпускался в неудобных для этой цели бутылках емкостью: 0,75 литра («гусь»); 0,5 литра («поллитровка или поллитра») и 0,15 литра («шкалик или мерзавчик»).

Из находок запомнилась закупоренная бутылка темного стекла с запиской на японском языке, которая в последующем затерялась. Встретилась нам и жертва шторма – выброшенная на берег японская рыболовная шхуна.

Ночевать группа устроилась на берегу залива рядом с пограничным «обогревателем». Ночь встретила нас звездами, зависшими над темной водой, тишиной, которую нарушали мерные всплески вод залива. Периодически стоянку посещал луч пограничного прожектора, пронзающий темноту ночи. На берегу в достатке лежал «сушняк», выброшенный морем во время штормов, и мы обозначили стоянку большим костром.

После ночевки наше движение продолжалось. По мере приближения к цели чаще встречались участки берега, покрытые большими валунами. Некоторое время за движением группы наблюдал любопытный сивуч, который показывал из воды усатую физиономию, а затем погружался в море, демонстрируя мощное тело.

После преодоления очередного мыса нам неожиданно открылся маяк, величественно стоявший на скале.

Команда маяка, встречавшая нас, организовала переправу гостей на большой резиновой лодке. По случаю благополучного прибытия необычных визитеров повар приготовила ужин с пирогами.

Мы провели на маяке один день, в течение которого познакомились с его работой и устройством.

Обратный путь начался с переправы на берег. Выстрелами в воздух из ружей команда простилась с нами, оставшись наедине с суровой природой. Обратный путь мы проделали налегке, поскольку продовольственный запас уменьшился, и палатка не казалась тяжелой.

Далеко во времени лежит маленькое путешествие на Анивский маяк, впечатлениями от которого многие годы питается душа. С той поры мыс Анива стал для участников похода не диким и труднодоступным, а близким и знакомым.

Сегодня на маяке никто не живет. В середине восьмидесятых дизель заменили батареями на радиоактивных изотопах, которые работают в автономном режиме (<http://www.astv.ru>).

Мне представляется, что Анивский маяк заслуживает статуса памятника промышленной архитектуры и в этом плане может быть интересен путешественникам.

Сбор красники (клоповки), брусники, лимонника и грибов

Без преувеличения могу сказать, что сбор ягод и грибов, одно из любимых занятий жителей города.

В августе и сентябре наша семья собирала краснику (клоповку) и бруснику в сопках Белокаменки, до которой мы добирались на мотоцикле. Отец оставался охранять транспорт, а мы с мамой уходили в сопки. К ягодникам вели тропы, проложенные лесозаготовителями еще во времена японцев. Они основательно заросли кустарником и редколесьем, но не пропали совсем. Мама была превосходным сборщиком. Обычно мы набирали до 1 до 2-х ведер ягод и возвращались к дороге.

Лимонник собирался в сентябре-октябре на сопках около поселка Чапаево II, что по дороге на Охотский. Мотоцикл, с разрешения хозяев, оставлялся во дворе одного из домов, а наш путь лежал к распадкам у реки, где созрели красные гроздья «северной лианы» в окружении берез и осин.

Из красники и брусники мама варила варенье. Лимонник заливался сахарным сиропом, который не мог перебить легкую горечь ягод. В семенах лимонника скрыта целебная сила, которую использовали китайские охотники, преследуя зверя. Сухие семена, если их разжевать, снабжают организм активными веществами.

Грибы, которые звались «обабками» (подберезовики), собирались в окрестностях поселка Соловьевка. Они отличались «гигантизмом», при котором некоторые экземпляры достигали значительной величины. Здесь же, но реже, встречались подосиновики и белые. Другие разновидности грибов мы не собирали, так как боялись отравления. После сбора грибы жарились с картофелем, и вся семья вдыхала их неповторимый запах, ожидая приема пищи. Грибы также мариновались и хранились в стеклянных банках.

В те годы уже замечалось истощение ягодников в зоне их досягаемости человеком. Каждому биологическому объекту свойственна устойчивость к воздействиям среды, но когда ее порог пройден – он погибает. Уничтожение ягодников неизбежно при увеличении числа людей, посещающих данную территорию. С развитием автотранспорта нагрузка на них увеличилась, что определяет плохой исход. Как известно, на восстановление поврежденного брусничника требуется от 8 до 12 лет, поскольку растет он медленно. Вероятно, отдаленные ягодники должны охраняться в качестве природных объектов, наряду с нерестилищами лососевых рыб, в структуре национальных парков и заповедных мест.

У МОРЯ И РЕК

Рыбалка

Каждый человек, который жил или живет на Сахалине, конечно, ловил рыбу. Моя рыбалка сводилась к ловле рыбы донкой (закидушкой) на море или поплавковой удочкой на реке. Донка – примитивная снасть с леской, на которой крепятся грузило и поводки с крючками. В море она забрасывалась простым способом – грузило раскручивалось вокруг оси, и снасть отпускалось «в полет». После того, как она ложилось на дно, оставалось ждать поклевки, о которой судили по натяжению лески, перекинутой через указательный палец, служивший своеобразным «датчиком». Во время поклевки делалась подсечка, и натяжение лески говорило о том, удалась она или нет. Затем удочка, как правило, выбиралась и осматривалась на улов и сохранность наживки. Волнение, которое наступает рыбака при поклевке и подсечке, является притягательным таинством рыбной ловли. Меня настигало это своеобразное чувство, но не считаю себя заядлым рыбаком, который может часами ожидать клева, и «ловлю рыбу только тогда, когда она ловится».

Лучшей насадкой для морской рыбалки были морские черви – «волосатые» создания, которые пользовались у рыб большим успехом. Червей я копал в полосе отлива в день рыбалки, которая некоторое время проходила у рыбокомбината. В этом месте рыба не испытывала недостатка в пище, поскольку питалась отходами производства, которые выбрасывались в море, и ее интересовал только такой «деликатес», как морской червяк. Во время этой рыбалки главным уловом были жадные до добычи красноперки, которые относятся к малоизученной группе видов рыб и единственному виду семейства карповых, приспособленных к океанской солености (<http://www.tia-ostrova.ru>). На крючок также попадались морские окуни, камбала и бычки. Бычки заглатывали рыболовный крючок так глубоко, что его приходилось извлекать из кишечника. Камбала отличалась тем, что при ее подсечке у рыбака возникает ощущение большой по размерам добычи, но его «обманывала» рыба небольшого размера, сопротивлявшаяся движению на крючке своим плоским телом.

В сгущающейся темноте ночи рыбалка заканчивалась чувством усталости, но радовали пережитые ощущения и предстоящее возвращение домой. Мама принимала у меня рыбу и усаживала рыбака стол, а я клевал носом, мечтая о сне.

На берег у рыбокомбината я также ходил рано поутру. У утренней рыбалки свои особенности – встаешь рано, когда семья спит, и в сумерках проходишь по улицам, окунаясь в необычную для них тишину. У моря прохладно и туманно. Разматываешь снасть и начинаешь рыбалку...

Для рыбной ловли у рыбокомбината приходилось проникать на охраняемую территорию через дыру в заборе. Однажды у этого лаза меня поймал охранник, отпустивший нарушителя без разбирательств, но рыбалка была сорвана, а настроение испорчено.

Горожане обычно рыбачили в морском порту или центральном ковше, территория которых охранялись ВОХРОм (военизированная охрана). В городской черте не имелось свободного выхода к морю. Вся городскую береговую линию занимали предприятия и военные организации, поэтому горожанам приходилось находить проходы к берегу, чтобы удовлетворить желание встретиться с морем.

Чем я никогда не занимался, так это подсечкой лосося (горбуши) с помощью тройника в устье нерестовых рек, поскольку этот вид «рыбалки» считаю варварским, так как живое тело рыбы (водного животного) рвет острый крючок и кровь льет «ручьём».

Корюшку, которая стремилась на нерест в Корсаковку, «любители» ловили с помощью «паука» – круга из стальной проволоки с натянутой сеткой, извлекаемого из воды за веревку, прикрепленную к стропам. Для подъема «паука» использовался шест, служащий рычагом. Рыбаки, вооруженные «пауками», располагались в устье реки на затонувших судах и железнодорожном переходе. Пойманная с помощью «паука» рыба вынималась сачком.

У меня имелся небольшой опыт ловли горбуши на блесну, нагуливающей перед нерестом жир в прибрежных водах Белокаменки. В это время рыба полна сил и энергии. Тело ее отликает серебром и зовется она «серебрянкой». Я ловил горбушу с берега, забрасывая блесну в «окна» моря, обрамленные растительностью. Дело это трудное, поскольку каждый промах приводил к тому, что она оставалась в траве. На дне «окон» также была растительность, и замешательство с проводкой также приводило к ее потере, но когда горбуша брала блесну, то у рыбака появлялась возможность побороться с сильной и стремительной рыбой. Она могла внезапно уйти в сторону от предполагаемого направления движения и, если в это время не ослабить леску, приходилось расставаться с блесной. Неудачные попытки ухода утомляли рыбу, и оставалось одно – подвести ее к берегу, опасаясь новой вспышки активности. Улов при этой рыбалке обычно не превышал одной рыбины в течение дня, а плата за нее – потерянные блесны.

Однажды во время ловли рыбы на блесну, которая проходила на Охотском побережье, мне попала стремительная кумжа. Я также наблюдал за ловлей этой хищницы осенью в районе Озерского. Рыбаки ловили кумжу с моста через протоку одного из Чибисанских озер, используя в качестве наживки тампоны из капронового чулка с лососевой икрой.

На многочисленных речках, впадавших в море, рыбная ловля проводилась простейшей удочкой с поплавком. Речная «мелочь» хорошо клевала на дождевого червя и звалась среди юных рыболовов «форелью».

Пригородные речки радовали нас, мальчишек, удачной рыбалкой. Поплавок закидывался в омуты и заводи, где рыба встречала пищу, приносимую течением реки.

В это время в грязной Корсаковке исчезала рыба. История уничтожения жизни в этой реке имела множество печальных страниц, но лишь некоторые из них известны. Об одной из них мне рассказывал отец – местный «рационализатор» предложил смывать угольный шлак от электростанции, работающей на территории Фабрики картонных ящиков, в речку. По прошествии некоторого времени местные мореходы стали замечать, что центральный ковш мелеет. Причина вскоре вскрылась, и ковш стали очищать от шлака, но кто подсчитал последствия «шлакового удара» для всего живого в реке и море.

На берегах и отливе

Во время прогулок по берегу Анивского залива можно было наблюдать буйство морской растительности, среди которой выделялась морская капуста. Во время шторма она выбрасывалась с «морских огородов» на некоторые участки берега в таком количестве, что человек по колено утопал в ней.

Воды залива также полны живых существ, которые во время отлива выставляются морем на обозрение в естественных углублениях дна. Внимательному наблюдателю природа покажет морских звезд и ежей, медуз, моллюсков, мелких крабов и рыб. Крабы обладают необыкновенным чутьем на «останки» живых существ, которые служат им пищей. В этом можно убедиться, наблюдая, как к пищевым отходам спешат маленькие крабы, обитающие на этом участке берега.

Население во все времена использовало дары моря для питания, собирая на отливе морских обитателей. Ко времени, о котором ведется повествование, в городской зоне отлива уже не встречался морской гребешок. На берегах залива о его прошлой численности напоминали горы красивых пустых ракушек, выбеленных ветром и водой.

Летом любимым занятием ребят нашей улицы было посещение отлива в погожий день. В это время прохладное море отвечает солнцу туманом, клочья которого наплывают на землю, открывая на время фигурки людей, собирающих морских обитателей и следующих за отступающей водой. Чаще всего мы ходили на берег к воинской части, что за территорией рыбокомбината. Нашей добычей становились небольшие волосатые крабы, укрывавшиеся в морской траве. После «морской охоты» они варились на костре в ведре, которое мы приносили с собой.

Время у костра быстро проходило за разговорами о «чудесах», виденных на отливе, а в это время море начинало очередное наступление на берег.

Путешествие на буксире РБ-108 в лагуну Буссе

На небольшом рейдовом буксире – РБ-108, скромном труженике Военно-морского флота, отец Лени Лодикова служил капитаном. В вольнонаемную команду буксира также входили матрос, механик и повар. Обязанности последнего выполняла женщина, несмотря на давнее предубеждение о нежелательности присутствия в команде судна особы женского рода.

Обычно буксир стоял у причальной стенки среднего ковша. Во время стоянок мы с Леной обзревали в морской бинокль береговой обрыв, порт и суда у причальных стенок, вращали небольшой штурвал и угощались простой пищей команды. Выход буксира на рейд порта позволил рассмотреть наш городок с моря. Он выглядел уютным поселением, спрятавшимся в зелени распадков и сопок.

Однажды команда буксира получила задание привести из Корсакова в лагуну (озеро) Буссе баржу с горючим.

Лагуна названа в честь Николая Васильевича Буссе (1826-1866). Муравьевский военный пост, которым он командовал, располагался на этих берегах в 1853-1854 гг. В мое время на берегу лагуны отсутствовал даже скромный знак, говорящий об этом важном для будущего острова событии.

Для команды буксира переход был серьезным делом, и мы с Леной в нем участвовали.

На путь от Корсакова до лагуны ушло несколько часов, и баржа без происшествий была доставлена по назначению. Лагуна Буссе предстала перед нами удивительно красивым местом с песчаным берегом у моря и прозрачной водой, в которой виднелись стаи разных рыб.

Во время перехода мне впервые представилась возможность увидеть береговую линию на протяжении от Корсакова до лагуны Буссе. Море благоприятствовало переходу, поражая спокойствием и умиротворенностью. Солнце посылало земле и морю лучи, исполненные благодати, что создавало красочную картину – зелень сопок подчеркивалась синевой воды. Буксир, разрезавший гладь залива, представлялся маленькой точкой мироздания, как люди на его борту, составлявшие с миром единое целое.

Через несколько лет мне посчастливилось вновь побывать у лагуны, и я с горечью узнал, что человек разрушает этот прекрасный уголок – у гидрографического знака, стоявшего на берегу лагуны, в воде валялись использованные электрические батареи,

свинцовые пластины которых опасны для всего живого. Вероятно, они и сегодня разлагаются в водах лагуны, отравляя их тяжелым металлом.

Бензовоз освободил баржу от груза, и после ночной стоянки буксир двинулся в обратный путь. Море в этот день было беспокойным, и меня настигла морская болезнь, очистившая желудок от содержимого. Весь обратный переход пришлось пролежать на койке в маленькой каюте буксира, но к его завершению мне стало легче, что сопровождалось появлением аппетита, и я удержал пищу, предложенную сердобольной поварихой.

После любого морского путешествия у меня в течение нескольких дней сохраняется ощущение «качания на волнах», поскольку не может успокоиться вестибулярный аппарат, потревоженный качкой.

Ожидание цунами

В канун 2005 года цунами (*цунами* – *яп.*– гигантские волны, возникающие на поверхности океана в результате сильных подводных землетрясений или извержений подводных и островных вулканов) опустошило побережье Индийского океана, напомнив человечеству о своей грозной силе.

В нашей стране ужас цунами узнали жители города Северо-Курильска, что на острове Парамушир, в ночь с 4 на 5 ноября 1952 года. Волна высотой от 15 до 18 метров смыла город и унесла жизни более двух тысяч человек (<http://www.anews.ru>). Воспоминания очевидца той трагедии А.Я. Мезиса можно прочитать в Сахалинском историческом журнале (<http://www.zarab.org/stuff>). События, связанные с этим цунами, нашли отражение в романе В. Максимова “Ковчег для незваных” (Изд-во «Посев», Франкфурт-на-Майне, Германия, 1979), в котором рассказывается о судьбе первых послевоенных поселенцев на Курильских островах. Жители Сахалина и Курил помнили о трагедии Северо-Курильска, и со всей серьезностью относились к цунами.

В середине шестидесятых годов после сильного землетрясения у берегов Японии ожидался подход цунами к берегам Сахалина. Предупреждение о цунами власти признали серьезным и организовали эвакуацию населения Корсакова из прибрежной зоны на возвышенности. Люди, жившие вблизи берега, потянулись со скудным скарбом на прибрежный обрыв, поглядывая на воды залива. Один из эвакуированных захватил с собой карту мира и пытался по ней определить направление движения опасной волны. В этот момент в безоблачном небе светило солнце и не верилось, что где-то таится могучая сила, несущая людям опасность.

После нескольких часов ожидания был объявлен отбой тревоги. Вероятно, энергия цунами погасла у японских островов.

Кладбище брошенных кораблей и судьба сахалинской природы

Устье Корсаковки всегда привлекало городских мальчишек. В этом месте можно было пробраться к береговой линии, занятой с одной стороны причальной стенкой среднего ковша, а с другой – военным цехом ремонтной службы. Задача облегчалась во время морского отлива, когда уровень воды понижался, и обнажались берега реки.

В начале 60 годов в устье реки появилось кладбище кораблей и барж. Первые были представлены большим морским буксиром и каким-то судном меньшего размера. Рядом с ними затопили одну или две баржи. Всякое кладбище навевает грусть, а корабельное вдвойне. Буксир, исполин моря, когда-то бороздивший морские просторы, помогавший кораблям в их бедах, выглядел неммым укором человеку. Один борт его поник, а голые надстройки были выставлены на всеобщее обозрение. Любопытные горожане разного возраста проникали на буксир по тросам, перекинутым над водой. Среди этой отчаянной публики выделялись рыбаки, поскольку «паук», заброшенный с борта буксира, позволял успешно ловить корюшку. Как это бывает, брошенное судно превратилось в отхожее место, в котором ржавый металл и человеческих выделения соединялись, издавая специфический «аромат», который может породить только человек.

В устье Корсаковки можно было наблюдать варварский способ ловли горбуши, которая пыталась войти в реку на нерест. Рыба становилась жертвой жителей города, которые бросали с причальной стенки в воды ковша тройники, сделанные из больших рыболовных крючков, и рывками тянули их к берегу, подсекая горбушу. Сколько рыбы при этом уничтожалось сказать трудно, поскольку тройник уродовал ее тело, но тем особям, что избегали этой участи и входили в реку, грозило множество других несчастий – путь к нерестилищу преграждали добытчики, вооруженные сетями или острогой.

Очередная картина дикого отношения человека к природе поразила меня у реки Подорожной, что течет вдоль дороги Корсаков-Охотский. В реку на нерест вошла рыба, похожая на красноперку, и это действие определялось тысячелетиями. В это время у реки остановилась колонна военных автомашин. Солдаты и офицеры побежали к реке, чтобы смыть с лица дорожную пыль. Внезапно их взору открылась рыба, занимавшая все пространство реки. На землю полетели амуниция и оружие. Затмение нашло на представителей рода человеческого. С криками бросились они в мелководную реку и стали руками ловить беззащитную рыбу. Вскоре крики «рыболовов» стихли, мутная вода унеслась вниз по реке, а рыба ушла. Трудно сказать, сколько ее погибло, и как будут нереститься уцелевшие особи, вернется ли она в эту реку на следующий год.

Гибель Корсаковки и других пригородных нерестовых рек началась в XX веке, являясь примером уничтожения человеком своей среды. Город в течение многих

десятилетий разрушал природу, окружающую город, что обернулось полным отсутствием жизни в реке, обеднению ее в бухте Лососей и прекращению нереста лосося в пригородные реки. В наше время на очереди река Меря.

Богатство Сахалина – не только нефть и газ, а восполняемые биоресурсы, к которым относятся рыба и другие морские организмы. Строительство портов, газо- и нефтепроводов, газоперерабатывающего завода не пойдет на пользу хрупкой природе острова.

Каждая природная система может выдержать определенную людскую и промышленную нагрузку, поэтому дальнейшее сосуществование природы и человека можно обеспечить путем разумной организации общественной и промышленной жизни. Мы – гости в окружающем нас мире. До настоящего времени земля и воды нас «терпели», но начинают уступать, оставляя пустыню. Придет время и человек ужаснется содеянному им погрому в природе, но будет поздно, поскольку многое из живого и растительного мира будет безвозвратно потеряно.

Мне, как человеку, выросшему на Сахалине, очевидно, что смысл жизни в одном – в реки должна приходить на нерест рыба, а моря прибывать жизнью. В недрах земли когда-нибудь закончатся газ и нефть, но не должна прерваться жизнь в водах морей и рек. Вспомним полные здравого смысла слова американских индейцев: «Вы думаете, что Земля досталась Вам в наследство от Ваших отцов. Вы берете ее в долг у Ваших детей!».

ВОЕННЫЕ В ГОРОДЕ

Военно-морская база

Корабли Военно-морского флота занимали средний ковш порта. В состав маленькой флотилии входили тральщики, вспомогательные суда и плавающий кран, вероятно, американский, полученный еще по лэнд-линзу. Подобный кран показывали в одном из сюжетов Петербургского телевидения и его владельцы с гордостью показали табличку на английском языке, удостоверяющую год и место постройки плавсредства.

Долгое время в ковше стояли небольшие десантные корабли с экипажами и в состоянии консервации. Местные «морские волки», говорили, что эти суда готовились для коммунистического Китая, который намеревался высадить морской десант на Тайвань. Известно, что это мероприятие не состоялось, «советско-китайская дружба» расстроилась, и эти «посудины» доживали свой век в Корсакове.

Суда из соединения тральщиков большую часть времени проводили у причальной стенки и их экипажи занимались работой по поддержанию чистоты и порядка. Военные корабли выглядели чистыми и опрятными по сравнению с тружениками морей – рыболовецкими сейнерами, покрытыми пятнами ржавчины.

В день Военно-морского флота на тральщики пускали жителей города, а у причальной стенки проводилось показательное погружение водолаза.

Необходимо отметить, что за подразделением тральщиков числился поход в район Суэцкого канала, где оно принимало участие в боевом тралении морских просторов, «нашпигованных» минами во время очередной арабо-израильской войны. Это одна из страниц нашей истории, когда ради непонятных интересов государство было готово пожертвовать жизнями военнослужащих.

Берег у центрального ковша занимала ремонтная служба флота с цехом металлообработки. Нина Петровна Чернова, наш классный руководитель с 5 по 7 класс, была женой морского офицера. Человек деятельный и энергичный, она, руководствуясь установками по трудовому воспитанию школьников, организовала на базе цеха «трудовую практику», во время которой мы занимались уборкой территории или бродили из угла в угол.

Для торжественного вечера, что проводился администрацией ремонтной службой в канун 7 ноября, Нина Петровна силами школьников организовала литературный монтаж. Каждый из участников этого «представления» наизусть читал отрывок из неизвестного «высокохудожественного» творения тех лет. Помнится, что монтаж был направлен против «злодеяний» американских империалистов. От участия в нем я отказался, но не по «идеологическим» мотивам, а по причине «вредности» – не выучил отрывок монтажа к намеченному сроку или требования к чтению посчитал жесткими. Нина Петровна сообщила родителям о происшествии, и дома состоялся неприятный разговор по этому поводу. Пока шло разбирательство, время, отведенное для подготовки монтажа, истекло, и я остался не у дел.

Нина Петровна преподавала английский язык и надо сказать, хорошо, но ее «военного мужа» перевели на другое место службы, и она уехала за ним. Прекратились производственная практика и нормальное обучение иностранному языку, уровень которого не позволил в будущем большинству из нас даже «читать и переводить со словарем».

Военно-морской базе принадлежали большие склады у центрального ковша и вдоль улицы Вокзальной. Склады были построены японцами, и на фронтонах многих из них еще проступали иероглифы. Для временного складирования грузов использовались открытые площадки у причальных стенок. На одной из них долгое время стояли 130 мм орудия с ликвидированных морских батарей. Вскоре пушки разрезали на металлолом, но до этого времени мальчишки успели покрутить в башнях орудий все доступные маховики.

Морские силы погранвойск и торпедные катера

Небольшой ковш за Северным пирсом торгового порта занимали морские пограничники, носившие на морских форменках погоны с зеленым кантом, а на ленточках бескозырок надпись – «Морские силы погранвойск». Кроме пограничников, в этом ковше базировалось небольшое соединение торпедных катеров. Суда пограничников регулярно выходили в дозор, обеспечивая патрулирование морских рубежей у Южного Сахалина и Курильских островов.

За ковшом на мелководье из воды торчали скелеты каких-то кораблей. Один из них был железным и, вероятно, принадлежал небольшому судну, а другие представляли собой остатки деревянных корпусов советских торпедных катеров, списанных после войны.

Большие военные корабли в Корсакове не базировались, но строгие профили крейсера, эсминца или подводной лодки можно было наблюдать на рейде порта.

Однажды к городу на десантных судах подошло соединение морской пехоты. Пехотинцы сошли на берег и заполнили главную улицу городка, отличаясь от местных моряков не только черной формой, но и молодежаватой выправкой.

Береговая оборона

В окрестностях города на береговой возвышенности сохранились позиции стационарных морских батарей. Одна из них располагалась на северной окраине города у лесного массива. От батареи остались бетонированные орудийные дворники с галереями, которые вели к местам хранения боезапаса и укрытиям для расчетов. С позиции хорошо просматривались рейд порта и Анивский залив.

В южной части города на береговой возвышенности за улицами Промысловая и Рыбацкая до 60-х годов стояла передвижная батарея, орудия которой могли разместиться в простейших земляных укрытиях. Управление батареей производилось с командного пункта, снабженного радиолокационной установкой, установленной на автомобильном прицепе. Рядовой состав батареи жил в казарме на территории части. Офицеры с семьями располагались рядом в бревенчатом доме, разделяя с солдатами повседневные заботы.

Поскольку батарея стояла рядом с нашей улицей, то мы, мальчишки, наблюдали за жизнью этого небольшого воинского коллектива.

Утро артиллеристов начиналось с физзарядки и пробежке по улицам, прилегающим к части. Солдаты, обнаженные по пояс летом, а в холодное время года одетые в гимнастерки, пробегали под окнами домов, стуча кирзовыми сапогами.

Однажды в маленьком гарнизоне случилось несчастье – сгорела деревянная казарма. Вскоре казарма была восстановлена. Во время стройки мы, мальчишки, проводили время в кабинах автомашин части, вывозивших с территории строительный

мусор. В обычное время грузовики части (3-х осные ЗИСы) стояли на деревянных столбиках с побеленными скатами. Во время учений автомашины использовались для транспортировки личного состава, локатора, и всего того, что необходимо для жизни батареи в полевых условиях. Для перевозки орудий в части имелись гусеничные тягачи. Периодически батарея выезжала на загородные позиции, оглашая окрестности ревом двигателей.

Мы заводили знакомства с солдатами, которые, скучая на отдаленных постах, вели с нами разговоры. Мальчишки нашего района также посещали казарму во время демонстрации кинофильмов. Запах той казармы – это запах гуталина, которым начищались солдатские сапоги. Надо отметить, что кормили батарейцев хорошо, и они угощали нас своей простой пищей. Питание личного состава поддерживалось подсобным хозяйством, в котором откармливались свиньи. Обмундирование и обувь были в хорошем состоянии, и солдат не доводился до стоптанных и рваных сапог. Обязательной деталью в форме личного состава был белый подворотничок на гимнастерке.

После сокращения армии, которое предпринял Н.С. Хрущев, батарея покинула обжитую позицию. Казарму и другие постройки местные жители растащили на собственные нужды. Орудия и тягачи, похожие на те, что состояли на вооружении батареи, еще долгое время хранились в воинской части, что располагалась на окраине города по дороге на маяк.

В 70-е годы на месте батарейного пустыря и окружающих его улиц стали строиться панельные дома 1-го микрорайона («Семь ветров»). Живописный уголок моего детства исчез, уступив место пятиэтажкам из железобетона.

Необходимо отметить, что строительство подобных домов в сейсмически опасной зоне, к которой относится Сахалин, чревато бедой, что подтверждается разрушением городов «Нефтегорск» на севере и «Невельск» на юге острова. Эти постройки примитивны по конструкции и далеки от стандартов безопасного и комфортного жилья, являясь, по сути дела, трущобами.

Авиация

Корсаков в 50-е годы был базой морской авиации, которая располагалась на месте бывшего японского аэродрома. Личный состав этого авиационного гарнизона носил морскую форму с голубыми петлицами и кантами. В систему аэродрома также входили дороги и укрытия, расположенные между городом и поселком Нечаевка. В советское время на окраине города у дороги, ведущей к аэродрому, был построен жилой городок, который называли авиационным. По дороге на маяк можно было также видеть казармы

технических служб и площадки, на которых стояли самолеты, используемые для подготовки технического состава.

За работой аэродрома я не раз наблюдал с маячной сопки, с которой была видна взлетная полоса. С нее одна за другой уходили в небо серебристые «металлические птицы». Даже люди, знающие законы аэродинамики, с восторгом наблюдают за полетом самолета, но при этом отказывают своему сознанию в рациональности происходящего. Мне трудно судить о типе эксплуатируемых на аэродроме машин, но, вероятно, это были МиГ 15 и/или 17.

На одной из возвышенностей, что окружали аэродром, постоянно работала радиолокационная установка с вращающейся антенной. Она контролировала небо вверенного района, обшаривая его уголки.

Склоны маячной сопки хранили не только тайны обвалившихся укрытий, но и транспортного «Дугласа», который по неизвестной причине не дотянул до посадочной полосы и совершил вынужденную посадку в леске на окраине аэродрома. От машины остались остов корпуса и часть его обшивки, крылья, колонка штурвала и педали управления. Каждый мальчишка, посещавший этого «воздушного неудачника», обязательно садился на место пилота и представлял себя в летательном аппарате, уносившего его к облакам, проплывающим в небе.

Интересная картина открывалась перед теми, кто попадал на окраину аэродрома рядом с Нечаевкой – одна из аэродромных площадок служила кладбищем винтовых истребителей. Эти покорители неба доживали свой век и наблюдали с земли за реактивными собратьями. Наша мальчишеская компания раза два посещала это место. Мы забирались в кабины стремительных машин и двигали ручки управления. Площадка охранялась сонным часовым. Он прогонял нас, но оставленные человеком самолеты манили красотой форм и загадками прошедшего времени.

В небе над заливом ревели не только турбины реактивных самолетов, но и слышалась стрельба авиационных пушек, из которых летчики поражали неуклюжую и неповоротливую воздушную мишень – «колбасу». Этот странный летальный агрегат появлялся в воздухе на привязи у самолета буксировщика.

После сокращения армии истребители перестали базироваться на аэродроме. Их место заняли вертолеты Военно-морского флота. Казармы превратились в жилые бараки, а одна из технических площадок стала служить стадионом школы № 2.

Девушки – матросы

В начале шестидесятых годов в городе появились девушки в морских форменках, синих беретах со звездой и черных юбках. Вероятно, военному ведомству не хватало

призывников мужского пола из-за демографического провала, обусловленного войной 1941-1945 гг, и оно стало набирать призывников женского пола для несения воинской службы. Который раз страна решила проблему, отягощая женщину делами, не свойственными ее сущности. А то, что служить женщинам было сложно, могу судить по маршу, свидетелем которого я стал на охотской дороге в районе поселка Чапаево – среди полуденного зноя по пыльной дороге двигалась колонна девушек в форменной одежде и кирзовых сапогах. Пот покрывал их лица, смешиваясь с дорожной пылью. Они проходили в бесцельном переходе, пыля сапогами.

Пишу эти строчки и вспоминаются известные стихи Наума Коржавина (Вариации из Некрасова, 1960) – «...Столетье промчалось и снова, Как в тот незапамятный год – Коня на скаку остановит, В горящую избу войдет. Ей жить бы хотелось иначе, Носить драгоценный наряд...Но кони – все скачут и скачут, А избы горят и горят».

Строительный батальон

Место расположения строительного батальона хорошо просматривалось с крыльца нашего дома. Эта воинская часть стояла на улице Восточной за второй школой. Жизнь батальона запомнилась тем, что по утрам личный состав выходил на физзарядку, а каждую субботу проводил проветривание постельных принадлежностей. Регулярность этих мероприятий, говорила окружающим о том, что жизнь в батальоне продолжается.

Военная нефтебаза

Военная нефтебаза располагалась на окраине города вдоль дороги на Нечаевку, занимая большую территорию, обнесенную рядами колючей проволоки. Нефтебазу охраняли бойцы ВОХР со сторожевыми собаками, которые наблюдали за территорией объекта с вышек и обходили вверенный участок.

Магистраль, по которым топливо поступало в большие баки базы, находились в плохом состоянии. По этой причине ручьи, вытекавшие с ее территории, несли в море радужные разводы горючего, что способствовало уничтожению всего живого в прибрежной зоне.

Картину экологического бедствия в этой части береговой линии дополняла свалка бытовых и промышленных отходов, просуществовавшая до начала шестидесятых годов. Свалки разного рода были обычным элементом пейзажа в городской и пригородной зоне города.

Необходимо отметить, что экологическая катастрофа надвигается на остров с момента начала хозяйственной деятельности человека, которая не учитывает хрупкость природы на стыке земли и воды.

Футбольная команда «Звезда»

Неизменным атрибутом городской жизни был футбольный чемпионат среди команд, представлявших разные коллективы. Встречи проходили на стадионе «Водник». Выставлял команду и гарнизон города, футболисты которой выходили на игру в темно-красных футболках со звездочкой на груди, что и определялось ее названием – «Звезда».

Один из матчей с участием «Звезды» запомнился бурной реакцией болельщиков в ответ на проигрыш команды. «Болеть» за «Звезду» привели солдат воинских частей, расположенных рядом со стадионом. Они бурно поддерживали команду во время матча, но она проиграла, и недовольные результатом, болельщики высыпали на поле, угрожая судье расправой. Судил матч один из городских энтузиастов спорта, организатор многих спортивных мероприятий, человек знающий свое дело, кореец по национальности. К сожалению, не помню его имя и фамилию. В 1966-67 гг он работал учителем физкультуры в школе № 2 и запомнился мне спокойным и уважительным человеком.

Вскоре страсти на футбольном поле утихли, но выступление болельщиков запомнилось, как проявление человеком неоправданной агрессии.

ШКОЛА

Первый класс школы № 5

Летом 1957 года мама повела меня записываться в школу, которая располагалась в японском бараке на улице Солнечная. В школе, как мне помнится, имелись русскоязычные и корейские классы. О наличии первых можно было судить по нескольким нерадивым ученикам, которые занимались с учителем в комнате, где принимались документы. О корейских классах свидетельствовала картина, которую я ранее наблюдал у школы – корейские дети, построенные в шеренги, с учителями, выходили со школьного двора.

Первого сентября занятия в школе на улице Солнечной не начались, поскольку ее закрыли, а учеников перевели в школу № 2, которая располагалась неподалеку на улице Восточной. Первоклассников и школьников младших классов, проживающих на улицах Октябрьская, Промысловая, Рыбацкая и в домах рыбокомбината, направили в новую начальную школу № 5, которая располагалась на улице Свердлова у поворота на Южный пирс. Пятая школа представляла собой небольшое двухэтажное деревянное здание, покрашенное в синий цвет, с пожарным лотком у одной из стен. У здания школы находились небольшой двор с деревянным туалетом и огородный участок. На школьном огороде ученики под руководством учителей проводили «агронимические опыты».

Учительский коллектив любил своих воспитанников, и в школе воцарилась уютная и благожелательная обстановка.

Первую мою учительницу звали Мария Петровна Исаева. В ту пору она представлялась мне женщиной средних лет, суровой, но справедливой. Мария Петровна появлялась перед учениками в строгом черном костюме и белой блузке, которая подчеркивала ее «тяжелую» женскую красоту. Она посещала семьи учеников и знала условия жизни каждого нас.

Директорствовала в школе пожилая учительница по фамилии Сахарова, добрый и внимательный человек, имя и отчество которой я, к сожалению, не помню.

Запомнилась также учительница пения, игравшая на баяне, которая с трудом совладала с озорниками, воспринимавшими ее урок, как развлечение. Из песен, которые мы учили, сохранилась в памяти одна, поражающая тоскливостью. В ней говорилось о смерти Ленина, но вскоре ее петь прекратили, вероятно, по причине отсутствия какого-либо героического пафоса.

Так как речь зашла об учителях, то жителям города необходимо помнить о молодой девушке, учительнице Наумовой, основательницы Корсаковского приюта для детей ссыльно-каторжных. О ней писал в своей книге «Сахалин (Каторга)» писатель и журналист Влас Михайлович Дорошевич – «Она училась в Петербурге, бросила все и приехала на Сахалин, увлеченная светлой мыслью, горя великим святым желанием отдать жизнь на служение, на помощь этим бедным, несчастным...и застрелилась». Могила ее затерялась, что является укором для всех нас, ныне живущих.

Из школьной жизни помнятся хорошие завтраки и обеды, игры на переменах, стычки между мальчишками, работа на школьном участке и сбор металлолома.

Раза два в школе проводились мероприятия по сбору гусиных и утиных яиц. Наша семья держала кур, и маме пришлось совершать обмен одних яиц на другие. Кто собирал яйца водоплавающей домашней птицы, и куда они затем делись, не знаю, но в единственном совхозе Корсаковского района мне не помнятся гусиные и утиные птичники. Вероятно, сверху спускались указания на исполнение очередного прожекта в сельском хозяйстве, который, как и все другие, провалился, лишенный экономической целесообразности.

Новшеством школьной жизни являлся ларек канцелярских принадлежностей, работавший без продавца, в котором покупались карандаши, перья для ручки, тетради и другая мелочь. Деньги за «товар» вносились в кассу, и я не припоминаю случаев жульничества, вероятно, по той причине, что торговля велась на доверии.

За время учебы в начальной школе изменилась одежда школьников. В первом и втором классе я еще носил официальную школьную форму серого цвета, в которую входили гимнастерка, брюки, фуражка и ремень с ученическим гербом в виде двух перекрещенных дубовых листочков. После ее упразднения мальчиков стали одевать в брюки темного цвета и курточки, сшитые из вельвета, с железным замком «Молния» у отложного ворота и карманами на груди. Ворота курточки, как и гимнастерки, подшивались белым воротничком, за чистотой которого, а также рук, ушей и шеи, следили родители, учителя и «санитары» из учеников. «Санитарами» обычно назначались активные девочки. Они носили через плечо белые сумочки с красным крестом и повязки на руке с таким же крестиком.

У девочек форма осталась прежней, и она состояла из школьного платья коричневого цвета и фартуков – черного рабочего и парадного белого. Ворота платья также подшивались белым воротничком. Эта форма «дожила» до времен перестройки 90-х годов.

В школе велась «политическая» работа, освященная властью. Все первоклассники принимались в «октябрята» (организация школьников младшего возраста, названная в честь Октября 1917 года). Структурной ячейкой организации была «звездочка».

Многое из того, что было необходимо школьнику в те годы, делалось родительскими руками. Октябрьские звезды, которые носились на груди, делались из картона, а затем обшивались красной материей. Звездочки промышленного производства с изображением маленького Владимира Ульянова (Ленина) только-только появились в канцелярских магазинах и киосках Союзпечати, и были двух типов – железные и пластмассовые. На пластмассовой звездочке юный «вождь» походил на того, что печатался в учебниках, а на железной звезде его изображение с каждым годом размывалось, отдаляясь от оригинала.

В третьем классе школьники принимались в пионерскую организацию. Пионерские отряды формировались по классам. В отрядах выделялись звенья по 10 человек в каждом. Отряды составляли школьную дружину, которую возглавляла вожатая (вожатый). Должность вожатой в школах была штатной, и ее обычно занимали девушки и/или молодые женщины. Звеньевому полагалось носить на левом плече школьного костюма одну красную полоску, отличающую его от простого пионера, а командиру отряда – две. Три полоски носил командир дружины. Считалось, что звеньевые, командиры отрядов и дружины избираются на пионерских сборах, а на самом деле они выдвигались учителями и вожатой. Главный отличительный признак пионера – красный галстук покупался в магазине. Перед приемом в организацию «кандидата» испытывали на знание обязанностей пионера. Принимали в пионеры на торжественной линейке, где школьники

хором давали клятву «юного пионера». Пионерскую «жизнь» в школе № 5 нельзя было назвать активной, и она сводилась к мероприятиям, посвященным «красным дням» календаря.

Как относиться к социальной организации детей? Полностью от нее отказываться нельзя, но только в рамках общественного объединения, положив в основу принципы сосуществования человека и природы. Ребенка нашего времени необходимо с ранних лет учить основам жизни в равновесии с природой и противостоянию всякого рода угрозам – от техногенных воздействий до алкоголя и наркотиков.

Моя дорога в пятую школу проходила по склону берегового обрыва. Всегда имелся соблазн сократить путь, но в этом случае приходилось спускаться или подниматься по крутым тропам, становившимся скользкими после дождя или гололедицы. Одна из них начиналась за промтоварным магазином РЫБКООПа и проходила над террасой, огражденной каменной кладкой. Падение на склоне грозило ссадинами и ушибами.

На террасе стоял японский дом с рябинами, красные гроздья которой в позднее осеннее время скрашивали пасмурность сахалинской погоды. «Штурм» скользкой тропинки часто заканчивался тем, что его участник оказывался под стенкой террасы. Победители склона достигали успеха, когда выбивали ступени и использовали взаимопомощь. Наградой за победу служила картина с видом на порт, корабли на рейде и сопки по другую сторону залива с падающим за них солнцем.

Пролетели годы учебы в пятой школе, которую я закончил с похвальной грамотой, и в 1961 году был переведен в среднюю школу № 2.

Воспоминания о своей первой школе я сравнил с восприятием того периода жизни и окружающего мира Виктором Поповым, который «открыл» свою страничку в книге времени на сайте «<http://Korsakov.sakh.ru> – Гостевая книга» (сохраняю стиль и орфографию автора): «...я поступил в шестую школу в 1953 году, проучился до ноября месяца и меня депортировали в Хабаровск, а в 1956 году я вернулся из ссылки, от бабушки и поступил во вторую школу. От шестой школы остались воспоминание, как о маленьком дворце, или замке. Корейцев там не помню. А в пятой школе я тоже учился одно время, у нас, прямо на повороте к южному пирсу, жили знакомые, там еще был огромный магазин культтоваров. Школа была сделана из брусев и очень маленькая, хотя и двухэтажная. О шестой школе я потом слышал как о корейской. Еще одна корейская школа была расположена рядом со старой первой школой, это вверх отobelиска "освободителям города Корсакова от японских империалистов". Они были объединены одним двором, и стояли длинные как крейсера, первая длиннее четвертой. Потом корейскую, кажется седьмую школу, перевели, куда-то в конец Корсаковской улицы».

Почти все совпадает, а 5 школа воспринималась нами почти одинаково не только по внешнему виду, но и по расположению.

Школа № 2

Здание средней школы № 2 представляло собой типовую двухэтажную постройку пятидесятых годов, расположенную у пологого склона на улице Восточной, которая выделялась среди бараков и домов японской постройки высотой и белизной стен.

Фасад здания украшали барельефы русских поэтов и писателей, а также герб с раскрытой книгой и изречением В.Ульянова – «Учиться, учиться и еще раз учиться». Крыльцо школы украшали два бетонных шара. К школе примыкал сквер с березами и рябинами. Позднее к зданию школы добавили пристройку, в которых разместились учебные классы и мастерская.

5 «Е» класс

Из выпускников пятой школы было образовано два 5-х класса – «Д» и «Е». Я попал в 5 «Е» – последний в списке. Вероятно, по этой причине наш класс оказался гаванью для второгодников и был помещен в тесную и темную классную комнату на первом этаже рядом с туалетом. «Ароматы» туалета и хлорной извести, столь знакомые советским людям, постоянно витали в классе, пропитывая учеников, и напоминали о том, что жизнь новичков не будет сладкой. На запахи мало влияли бесконечные проветривания класса, и мы вскоре с ними свыклись. С второгодниками наладились дружеские отношения. Они оказались общительными ребятами, которых педагогическая наука и практика отвратили от учебы, предлагая то, к чему у них не было способностей, и не лежала душа. Эти мальчики опережали многих успешных учеников на уроках труда. Табуретки у них получались ладными, а металлические петли можно было использовать по назначению. В мастерских они помогали нам, а мы, в свою очередь, не отказывали им в помощи при подготовке домашних и классных заданий. Однажды во время урока рисования мне удалось нарисовать нескольким ребятам рубанок, предложенный в качестве модели. Вероятно, учительница удивилась тому, что они заметно «продвинулись» в рисовании, и поставила самую высокую отметку. Мне, творцу «многих рубанков», была поставлена четверка.

Первую половину учебного года наш класс учился во вторую смену, которая была истинным наказанием для школьников – учеба начиналась после полудня, а заканчивалась темным вечером. Всегда радовал переход на учебу в первую смену – к обеду уроки заканчивались, а после выполнения домашнего задания оставалось время на игры.

В новой школе мы, малыши, терялись в массе школьников. Далекие от нас старшеклассники, на которых мы смотрели снизу вверх, гордо проходили мимо, спеша по

своим делам. Но время шло, и мы входили в школьную жизнь, которая привлекала новыми учебными предметами и расширяла круг общения.

Мы не только учились, но участвовали в детских проказах. Некоторые из них сохранились в памяти.

Одна из них заключалась в следующем – из фотопленки складывалось «устройство» с двумя небольшими «ножками», которые начинали «стрекотать» при ритмичном надавливании на твердую поверхность. В шалости, которая устраивалась во время урока, участвовало несколько учеников, и учителю трудно было установить источник звука, поскольку, прекращаясь в одном месте, он возникал в другом.

Утром занятия в школе начинались рано, а вечером заканчивались поздно, поэтому электрическое освещение в классах включалось утром и вечером. У некоторых учеников появлялось желание сократить время урока, оставив классную комнату без света – брался кусочек мокрой промокательной бумаги («промокашки») и подкладывался в место контакта электрического патрона и лампочки. При включенном свете бумага в патроне постепенно высыхала, что приводило к прерыванию контакта, лампочка гасла, и класс погружался во тьму «Промокашка» хорошо впитывала влагу и использовалась для просушки чернильных строчек. Листок промокательной бумаги голубого или розового цвета имелся в каждой новой тетради.

Следующий способ прекращения урока – устройство короткого замыкания, создаваемого с помощью электрической вилки, ножки которой соединялись проволокой. Это незамысловатое «устройство» вставлялось в розетку классной комнаты, что приводило к замыканию с отключением освещения. Автором устройства был Слава Кутырев, который в электротехнике «продвинулся» дальше всех нас. Школьный электрик не ценил его успехи и, меня очередным сгоревший предохранитель, грозил расправой организатору происшествий.

В младших классах каждый школьник приносил с собой в маленьком матерчатом мешочке чернильницу (небольшой сосуд для чернил – «чернилку»). Стеклянные и пластмассовые чернильницы выпускались промышленностью. У школьника тех лет чернила постоянно проливались, а чернильница разбивалась, поэтому ученик часто пачкал руки, одежду, а то и лицо, этой красящей жидкостью. С чернильницей было связано много проказ. Так, в нее бросался кусочек карбида, и содержимое вспенивалось, вытекая из этого сосуда. В чернильницу сыпался сахар, и чернила становились тягучими, что делало их негодными для использования. Все эти шалости нарушали ход урока и забавляли маленьких «проказников».

Простые ручки с набором металлических перьев, карандаши и стиральная резинка носились в деревянном пенале. Авторучки появились у школьников в начале 60-х годов. Они не избавляли ученика от неприятностей с чернилами, поскольку часто протекали. Шариковые ручки вошли в жизнь школьника в середине 60-х годов. Первые ручки этого типа привозили из-за границы моряки. Некоторые из образцов приводили в «волнение» юное поколение. Так, в корпус одной из моделей была вставлена картинка девицы, у которой интимные места закрывались темной жидкостью или открывались при перемене положения этого, совсем не школьного, предмета для письма.

Первый год в новой школе также запомнился занятиями старшеклассников по военной подготовке и вождению автомобиля. В это время на сцену актового зала школы выкатывался пулемет Максим и выносились трехлинейные винтовки, а из школьного гаража выводилась старая автомашинка ГАЗ-51. Обучение вождению проходило на стадионе школы.

В мое время военная подготовка свелась к двум-трем занятиям по устройству самозарядного карабина Симонова (СКС) и переносной радиостанции (РД-108), которые провел мичман из команды передвижной береговой батареи. Во время уроков гражданской обороны (ГО) нас познакомили с видами оружия массового поражения, сигналами опасности и средствами защиты. После этих занятий мы мрачно шутили, что простыня белого цвета не защитит от ударной волны и излучения, если укрыться от них в ближайшей от школы канаве, но обеспечит похороны.

Введение начальной военной подготовки в нынешнюю школьную программу представляется делом бессмысленным, поскольку не может решить проблему подготовки резервистов массовых военных специальностей и профессионалов военного дела. Солдата запаса можно и нужно готовить в течение нескольких месяцев интенсивных занятий, а для подготовки профессионала требуется несколько лет. Разговоры о том, что военная подготовка способствует патриотическому воспитанию, мне также представляется заблуждением, так как патриоты вырастают там, где страна заботится о своих гражданах и ценит жизнь каждого из них.

Профессиональная подготовка школьников, проводимая в мое время, также оказалась делом бесполезным. В старших классах я познакомился со специальностью машиниста холодильных установок. Теоретические и практические занятия по профессии проходили на базе холодильника рыбокомбината один раз в неделю. Из практики помню, что холодильные машины комбината работали на аммиаке, и в рабочем отделении холодильника, где находились компрессоры, трудно было дышать без противогаза. По окончании школы сдавался экзамен по специальности с выдачей удостоверений. Перед

экзаменом я прочел профессиональное пособие по холодильному делу, что позволило успешно ответить на все вопросы комиссии и получить второй разряд. Принцип работы холодильника я помню до сих пор, но знаю, что никто из моих одноклассников не работал по «выбранной» в школе специальности.

Остановлюсь на работе школьной организации Коммунистического союза молодежи (комсомол). Деятельность этого «резерва» партии не выходила за рамки формальных мероприятий. Одно из них – компания по приему школьников в организацию. В восьмом классе старшая пионервожатая школы организовала прием стандартных заявлений со словами «Прошу принять... и указанием цели (чтобы бороться в рядах... за дело партии...участвовать в строительстве нового общества и т.п.)». Необходимо заметить, что заявления о вступлении в комсомол написали все ученики нашего класса. Зачисление в организацию производилось после короткого собеседования в Горкоме (городском комитете) комсомола. Располагался Горком комсомола в том же здании, что и Горком партии. Славу Кутырева и меня в комсомол не «пригласили» по причине конфликта с пионервожатой. Не помню суть этого противостояния, вероятно, оно было связано с «плохим отношением» к пионерским делам. Через некоторое время, когда компания по приему закончилась, вожатая сменила гнев на милость, но тут разыграло наше самолюбие, и мы отказались написать заявления о приеме в комсомол, используя разные предлоги (не готовы и т.п.). Этот «демарш» не имел каких-либо последствий, поскольку наша возрастная группа была охвачена мероприятием, и о нас, вероятно, решили забыть. Так мы и окончили школу, оставаясь вне рядов «коммунистической молодежи».

Пионерская организация и комсомол проводили свои акции, но гораздо больший интерес у старших школьников вызывали праздничные вечера с танцами. В это время мы видели наших девчонок в одежде далекой от строгой школьной формы, а в «доморощенном» танго чувствовали пластичность и жар их тел. Вальс мало кто умел танцевать. Добрались до нас «твист» и «шейк» в местном исполнении, но немногие решались «показать» эти парные танцы.

В это же время небольшие компании одноклассников стали собираться по домам друг у друга. В моем кругу ребята были далеки от крепких спиртных напитков и к окончанию школы знали лишь болгарское вино.

В это время каждый из нас находил среди одноклассников друзей по интересам. Школьные отношения часто перерастали в дружбу, которая продолжалась многие годы.

Слава Кутырев

Со Славой Кутыревым, коренастым, светловолосым и сероглазым мальчиком, я познакомился в 5-6 классе, когда он пришел в нашу школу. Про себя он говорил, что его

родственники происходят из сибирского села «Кутыревка», где все носят фамилию Кутыревы. Слава оказался необычайно развитым не только физически, но и умственно. Все школьные предметы давались ему легко, и мне представлялось, что рамки обычной школьной программы сковывали его развитие. В старших классах математические задачи он решал с применением элементов высшей математики и был готов изъясняться на английском языке (это при нашем обучении!). Он много читал познавательной литературы и был в курсе основных событий в науке и технике. Слава увлекался радиотехникой и мечтал заняться любительской радиосвязью.

Я тянулся к нему, как к человеку интересному. Мы стали встречаться чаще, и не только в школе. Вместе ходили в городские библиотеки и проводили время в разговорах о прошлом, настоящем и будущем. Осень 1966 года была замечательна встречами и беседами после вечерних пробежек в район Нечаевки. На обратном пути, который преодолевался неспешным шагом, шел разговор на разные темы – о жизни, науке и технике, природе. Это была роскошь общения, которой я дорожил, дожидаясь очередной встречи.

Жил Слава на улице Восточной рядом со школой. Я бывал в его доме, который поддерживала мать. Отец Славы занимал должность освобожденного партийного организатора (парторга) Корсаковской торговой базы. Кроме Славы в семье воспитывались две девочки. В этом гостеприимном доме я проводил многие часы, во время которых мы продолжали обсуждать волнующие нас проблемы. Больше говорил он, а я следил за ходом его мыслей, поражаясь их глубине и новизне.

Изучение английского языка

Изучение иностранного языка началось в 5 классе средней школы. Нас разделили на четыре группы – две «немецкие» и две «английские». Урок длился 90 минут и проходил 2 раза в неделю. После отъезда Нины Петровны уроки английского свелись к двум занятиям в неделю, по 45 минут каждый, с классом в 30 человек. Уроки потеряли свою эффективность и интенсивность, а мы стали забывать даже то, что знали. Учителя менялись один за другим. На изучении языка был поставлен «крест», который год от года становился все тяжелее.

Слет на турбазе «Горный воздух» и путешествие по городам Дальнего Востока

В разгар летних каникул 1964 года на улицах нашего района неожиданно появилась учительница географии и стала собирать учеников на туристический слет, который через неделю должен был состояться в Южно-Сахалинске на турбазе «Горный воздух». В «туристы» приглашали мальчишек и девчонок, которые проводили каникулы

на улицах города. Путешественниками мы были плохими, но жизнь рядом с природой привила нам кое-какие практические навыки. Каждый соглашался помочь, поскольку человек просил о помощи. В программу слета входили викторина по краеведению и туристическая эстафета. К викторине учительница подготовила нас в течение 1-2 вечеров по сборнику краеведческих материалов местного издательства. Мы были приятно удивлены, узнав, что вопросы викторины заимствованы из этой книги, что предопределило успех. Туристическую эстафету с постановкой палатки, разжиганием костра и переноской «раненого» наша группа провела с подъемом, получив в итоге второе место. Наградой за успешное выступление стала поездка по маршруту Корсаков – Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск – Владивосток – Корсаков.

Из Корсакова автобусом и поездом мы добрались до Холмска, а затем по морю до Советской Гавани. Из Холмска теплоход выходил вечером и на рейде порта его провожали касатки. Морская болезнь сразу уложила меня на койку, но утром судно уже входило в «Советскую Гавань». Светило солнце, море радовало штилем и изумрудом воды. На рейде стоял крейсер, поражавший размерами и большим числом матросов, одетых в робы белого цвета.

После Советской Гавани наш путь лежал по железной дороге в Комсомольск-на-Амуре. В этом городе мы посетили Краеведческий музей, и место высадки на берег Амура первых комсомольцев-строителей города, отмеченное памятным камнем. Через несколько лет мне встретился человек, который был в числе этих первопроходцев. Я посчитал, что он попал на стройку по комсомольской путевке и спросил его об этом. В ответ он неспешно ответил – «Да, да – по путевке». До меня дошел смысл его ответа – «путевку» ему выдавали, но не комсомольскую.

Комсомольск запомнился интересным эпизодом из жизни города – местные парни предупредили одного из наших любителей «крепкого слова» о том, что сквернословие в их городе не поощряется и с ним борется местная милиция. В жизни мне больше не встречались подобные очаги «борьбы» за чистоту языка, но потребность в этом возрастает с каждым годом. Сквернословие пышно расцвело в России, став отражением общего падения культуры и нравов.

В Хабаровск мы добирались по железной дороге. За Комсомольском поезда переправлялись через реку Амур большим паромом. Город встретил нас августовским теплом, которое струилось по красивым старым улицам, просторной набережной с великолепным видом на Амур. Несколько дней, проведенных в Хабаровске, прошли в экскурсиях и прогулках по городу.

Следующим пунктом путешествия стал Владивосток – портовый город на сопках у моря. Неровность природного рельефа скрадывала земной простор, но город открывался морю, что делало его уютным и неповторимым. В то же время он напомнил нам, жителям приморского городка, о близости родных мест, от которых нас отделяло только море.

Путь из Владивостока до Корсакова мы проделали на белом теплоходе «Азия», который был построен в Германии (о чем говорила металлическая табличка на главной надстройке), но достался Советскому Союзу по репарации после Второй мировой войны. Утром третьего дня судно вошло в залив Анива. Сахалин встретил пассажиров теплохода тихой и солнечной погодой. Зеленые сопки отделяли залив от океана, придавая ему вид укромного уголка.

Возвращение домой всегда приятно – тебя встречают, усаживают на почетное место, слушают твои рассказы и делятся новостями. Твоему приезду радуются домашние животные – кошка и собака. Только кур не волнует твой приезд, но они известные «дуры», что с них взять. Все вокруг тебе знакомо, хотя замечаются маленькие, но перемены – не там, где ты ее оставил, находится та или иная вещь, что говорит о продолжении жизни без тебя. Возвращение наполняет жизнь дома новым смыслом, поскольку ты иной, повзрослевший и много повидавший.

Сбор металлолома

Сбор металлолома относился к школьным мероприятиям, которые проводились с регулярностью смены времен года. «Сезон» сбора металлолома – осень и весна. В своем стремлении добыть весомую «железку» сборщики часто притаскивали на школьный двор деталь какого-нибудь механизма, брошенную по небрежности. Мне помнится тракторист, который ходил по классам и расспрашивал школьников о пропавшей детали с ремонтировавшегося трактора.

В один из таких «сезонов» наш класс преуспел в сборе металлолома и был премирован поездкой в Южно-Сахалинск. В областном центре мы посетили фабрику резиновой обуви и областной Краеведческий музей. Фабрика запомнилась тяжелым запахом серы, которая использовалась в производстве. Музей, располагавшийся в красивом японском здании, привлек мое внимание разделом о фауне острова. В нем демонстрировалось чучело волка, который нечаянно забежал на остров по льду Татарского пролива и «утонул» в его глубоких снегах. Интересной была экспозиция русских артиллерийских орудий времен русско-японской войны 1904-1905 гг, доставшаяся советскому государству, как и здание музея, от японцев. Другие разделы музея я запомнил плохо, вероятно, по причине малого к ним интереса. Так, демонстрация

советского периода островной жизни сводилась к показу объемов добычи рыбы, угля, леса и нефти.

Летний трудовой лагерь

Весной 1966 года в школе появилось объявление, в котором старших школьников приглашали в летний лагерь «труда и отдыха», организованный на полях совхоза Корсаковский. Мы с Леней Лодиковым записались в ряды желающих и в начале июля автобусом «Корсаков-Охотский» прибыли в лагерь, расположившийся на берегу реки Подорожная у дороги Чапаево – Охотский. Лагерная стоянка включала три больших палатки и печь для приготовления пищи, располагавшуюся под навесом. Одна из палаток служила столовой, а две других использовались для жилья. Число обитателей палаточного городка не превышало 40 человек. Рабочий день в лагере начинался после завтрака и продолжался до обеда. Мы занимались прополкой моркови, которая росла на поле рядом с лагерем.

Продукты в лагерь привозил на лошади один из старших ребят с центральной усадьбы совхоза, что располагалась в Чапаево. После поездки лошадь отпускалась пастись в окрестностях лагеря. Находились желающие покататься на ней верхом, но животное было строптивым и легко сбрасывало на землю новоявленных «кавалеристов».

У печи пищу готовила повар – общительная и энергичная женщина, фирменным блюдом которой были щи с мясом и лебедой. Это растение в изобилии росло в окрестностях лагеря и недостатка в нем не наблюдалось.

С наступлением темноты и до отбоя, который объявлялся в 22 часа, лагерь освещался несколькими лампочками от маленького генератора с бензиновым мотором. Мне поручили обслуживать эту технику, что было делом простым. Слабым местом генератора оказались щетки электромотора, которые требовали периодической замены.

После обеда большую часть времени мы проводили у реки в окрестностях лагеря. Вечером все обитатели городка собирались в палатке, служившей столовой, где показывались кинофильмы, которые «крутил» муж одной из учительниц, обсуждались общие вопросы и устраивались танцы. В тот год я освоил гадание на картах и после обеда практиковал в девичьей палатке. В роли гадалки мне сопутствовал успех, поскольку каждая из девиц имела свою «дорогу» и обязательно «короля». Главное в гадании – наблюдение за реакцией того, кому гадаешь, что позволяет выбрать правильное направление предсказания, которое дает возможность «клиенту» поверить в себя и в стройность жизненных событий. Вознаграждением за «труды» был стакан компота.

В лагере мы провели две смены и спасли морковь от сорняков. В конце августа жизнь на природе закончилась. Обитатели стоянки разъехались по домам, и только старшие мальчики задержались на день, чтобы убрать палатки и собрать имущество.

После сбора мы стали ждать грузовую машину, которая задерживалась. В это время нас накрыл моросящий дождь, от которого пришлось укрыться под брезентом, расположившись на матрацах. Из транзисторного приемника доносился репортаж с матча мирового чемпионата по футболу. Чуть слышно шумела река, которая никуда не уезжала, оставаясь на своем месте в ожидании солнца. По другую сторону от стоянки виднелась полевая дорога, уходившая в сопки. Раньше я не обращал на нее внимания, и мне подумалось, что никогда не узнаю, куда она ведет. От этой мысли стало грустно. Дождь продолжался, машина задерживалась, а речка продолжала шуметь, наполняясь дождевой водой...

Наконец, машина пришла. Мы быстро погрузились, и грузовик увез нас с гостеприимного места, оставив в недоумении комаров, потерявших неиссякаемый источник питания.

Выпускной вечер

Последний школьный звонок прозвучал для моих одноклассников 25 мая 1967 года. В этот день, когда, банально выражаясь, «перед нами открылась дорога в новую жизнь», мы прошли по городу хорошо известным маршрутом: школа – ул. Советская – городской парк. По пути одноклассники записывали в книгу, купленную мною в киоске «Союзпечать», хорошие и добрые пожелания. В маленьком сборнике были собраны повести Ивана Костыри под общим заголовком «Пора новолуний», в которых рассказывалось о практике молодого врача-педиатра. В том, что эта книга попала мне в руки, заключался, как оказалось, тайный смысл, который открылся позднее.

Выпускные экзамены закончились, и пришло время последнего школьного вечера. Он ознаменовался промозглым сахалинским дождем – мелким и затяжным, с воздушной влагой, которая пробирала до костей. Выпускное мероприятие проходило в кафе, которое располагалось рядом со зданием «Внерейсового Дома отдыха моряков». Не помню официальную часть вечера и все остальное, что происходило в праздничном зале. В памяти остались ночные улицы города, наполненные водой, и мерный шум морских волн у причалов центрального ковша.

После ночной прогулки я лег спать, но вскоре меня разбудила сестра со словами, что к нам пришла милиция. Пришедшие милиционеры интересовались, где выпускники проводили время после окончания вечера. Оказалось, что в прошедшую ночь кафе обнесли воры, и местные сыщики начали поиск. На следующий день меня пригласили в

городское отделение милиции, где сержант с фамилией Хрущев, задавал те же вопросы. Чем закончилось дело, я не знаю, но, в конечном счете, пострадала директор школы Дынкина (к сожалению, я не помню ее имя и отчество). На сайте Корсаковской школы № 2 имеется раздел истории, но в нем не нашлось места для памятной строчки, посвященной этому доброму, умному и знающему педагогу.

После выпускного вечера наша школьная компания несколько раз собиралась на квартире тетушки моего одноклассника и друга Эдика Пиксимова. Тетка куда-то съехала, а ее квартирка в японском бараке у железнодорожного вокзала стала местом наших встреч. Несколько бутылок вина оживляли эти вечера, проходившие в разговорах, танцах и игре «в бутылочку». Вскоре прощальные встречи закончились, и мы стали разъезжаться, надеясь на продолжение учебы в ВУЗе.

Школьная жизнь завершилась. Ушло дивное время, которое стало навсегда нашим.

Музыкальная школа

В начале 60 годов у родителей появилось желание обучить сына игре на баяне, и для проверки «музыкального слуха» отец отвел меня в городскую музыкальную школу, где учителя признали у экзаменуемого его присутствие, а также наличие чувства ритма. Музыкальная школа располагалась на улице Советской в японском здании, но вскоре ее перевели за Фабрику картонных ящиков на угол улиц Комсомольская и Первомайская в одноэтажное шлакоблочное строение советской постройки.

Утром занятия в музыкальной школе начинались рано, и я, сонный, шел за отцом по темным улицам города. Казалось мне, что все встречные прохожие также пребывают в дремоте. В школе занятия по специальности сменялись упражнениями по сольфеджио (при пении сольфеджио произносятся слоговые названия нот). Занятия сольфеджио запомнились муками по воспроизведению звуков октав. От пения в хоре в памяти остались слова песни – «В движении мельник жизнь ведет, в движении...», а от уроков по истории музыки – жизнеописание австрийского композитора Гайдна.

Обучение музыке закончилось через 2 года, поскольку зачатков «музыкального слуха и чувства ритма» оказалось недостаточно, чтобы успешно осваивать сложные музыкальные произведения и совершенствоваться в игре на инструменте.

Однако время, проведенное в музыкальной школе, не прошло даром. Корсаков по разнарядке областной филармонии посещали исполнители классической музыки. Аудиторию для этих концертов город обеспечить не мог, поскольку жители, в основном, были далеки от классической музыки. По этой причине концерты проходили в музыкальной школе, и ученикам вменялось в обязанность их посещение. Встречи с

«живой» классической музыкой научили меня воспринимать истинное музыкальное искусство и отделять его от «музыкального мусора».

Несколько раз в год я беру в руки подаренный родителями баян, разохшийся от времени, раскрываю нотные сборники с простейшими пьесами моего детства и извлекаю из инструмента любимые звуки. Пальцы плохо слушают меня, я застреваю на некоторых нотах и аккордах, порой не попадаю на нужную клавишу, стараюсь играть мелодично. Это действие я проделываю в одиночестве, с тяжестью в груди и слезами на глазах, но представляю, что играю для родителей, которые оставили эту землю, но по-прежнему слышат меня.

ИГРЫ, УВЛЕЧЕНИЯ И ЗРЕЛИЩА

В жизни детей моего времени большое значение имели разнообразные игры. Наши жилища были тесными, и у нас не было детских комнат, поэтому время вне школы проводилось на улице, которая давала простор для игр и увлечений различного рода.

Классы

Весной, когда солнце начинало освобождать землю от снега, и образовывались проталины, дети одевали легкие демисезонные пальто и резиновые сапоги, спасавшие от весенней грязи, и начинали игру в «классы». В «классы» играли все – девчонки и мальчишки. В игре использовались биты, сделанные из круглых металлических коробочек, в которых продавался обувной крем, или небольших «деревяшек». Игра предусматривала не только попадание битой в определенные «классы», но и передвижение по ним различными способами – на одной ноге, с переворотами. В «классы» играли один на один или парами. Попадание битой и/или ногой на черту между «классами» приводило к передаче игры противнику. Играли в «классы» до усталости. Под яркими весенними лучами солнца краснели наши лица, отвыкшие от них в течение зимы. Солнце отражалось в зеркалах луж и уносило с земли воду, уплывавшую ввысь чуть видимым паром.

Скакалки

Вторая игра, с которой начиналась весна, хорошо известна – «скакалки». Скакали в одиночку со скакалкой или через веревку, которую вращали два человека. Скакать могли одновременно от одного до двух человек. «Продвинутые» игроки выполняли повороты, показывая ловкость и умение. В эту игру чаще играли девочки, но и мальчишки часто вступали в нее, показывая, что и они кое-что умеют. Девчонок трудно было обойти, поскольку они оттачивали свое мастерство друг перед другом упорно и настойчиво. С началом лета играть в «классики» обычно прекращали, но «скакалки» пользовались популярностью до «закрытия летнего сезона».

Чиж

Весной, как только оттаивала земля, начиналась игра в «чижа». «Чиж» – короткая палочка длиной около 15 см, помещавшаяся над лункой, вырытой в земле, или в лунку. Для подачи «чижа» использовалась палка длиной примерно 50 см. Концы «чижа» и палки ровнялись ножом. Ведущий игрок подавал «чижа» в поле ударом палки. Сначала он выбивал «чижа» из своей руки. Затем «чиж» помещался в лунке поперек нее или одним концом и отправлялся в поле. После подачи поперек лунки укладывалась палка. Считалось большой удачей поймать летящего «чижа». В этом случае ведущий игрок уходил в поле, а поймавший становился ведущим, становясь на подачу. Если после подачи «чиж» падал в поле, то ближайший игрок, поднимал его и бросал в сторону лунки, стараясь попасть в палку. Попадание в палку делало его ведущим, и игра продолжалась. Если «чиж» не попадал в палку, то полевой игрок продолжал «наступление», стараясь забросить «чижа» в лунку, а ведущий старался отбить палкой чижа, брошенного в направлении лунки. Ведущий игрок, чтобы сохранить свое положение, старался подать «чижа» далеко в поле. При последующих подачах «чижа» из положения «одним концом в лунке», его необходимо было не просто выбить в поле, а перевернуть ударом палки в воздухе сначала 1, а затем 2 и 3 раза, и только потом послать в поле. Играли в «чижа» один на один или большим составом. Во время игры «Чиж» летел над нашими головами, подобно птице.

Прятки

С наступлением сумерек начиналась игра в «прятки», в которой ведущий игрок «водил» – стоял, отвернувшись к стене (забору, столбу), закрыв лицо руками, повторяя при этом какую-либо считалку. Не помню их содержания, но все они заканчивались словами: «...кто не спрятался, я не виноват. Я иду искать». В это время другие игроки прятались в укромных местах. Водившему необходимо было обнаружить хотя бы одного из спрятавшихся и постучать в стену, у которой «водили», что позволяло ему перейти в полевые игроки. Участники, сумевшие ускользнуть от водившего игрока, и постучать в стену, продолжали игру, сохраняя свое положение.

Штандр

Игры с мячом заслуживают особого описания. Одна из них называлась «Штандр». В начале этой игры выбирался ведущий, который подбрасывал вверх небольшой мяч со словом «Штандр», и ловил его после удара о землю. Пока мяч находился в полете, все остальные участники игры разбегались по площадке в пределах броска мяча и «замирали», когда ведущий ловил мяч. Затем он бросал мяч в любого из полевых игроков. Попадание мяча в участника игры означало, что он становился ведущим, и игра

продолжалась. Если игрок, в которого бросили мяч, ловил его, то ведущий оставался прежним, а поймавший получал «очко», которое он использовал, если в него попадали мячом. Ведущему игроку необходимо было «выбивать» полевых игроков сильным броском мяча, чтобы они не могли его поймать.

Вышибалы

Простая и незатейливая игра с использованием мяча называлась «вышибалы». В этой игре два ведущих становились по сторонам поля, в котором располагались полевые игроки. Ведущие начинали перебрасывать мяч друг другу в возрастающем темпе, пока не создавалось положение, при котором можно было «выбить» полевого игрока. Игроки в поле старались увернуться от брошенного в них мяча, перемещаясь по полю. При попадании мяча в игрока, который находился в поле, он заменял ведущего. Полевой игрок старался поймать брошенный в него мяч и заработать «очки», которые позволяли ему оставаться в поле при попадании мяча. Эта незатейливая игра отличалась подвижностью и всегда привлекала желающих в ней участвовать.

«Зонька»

Особо помнится игра, которую называли «зонька». Для нее готовился нехитрый одноименный предмет, представлявший небольшую овчину с плоским кусочком свинца, который прикручивался проволокой или пришивался к ее тыльной стороне. Игра начиналась с простых подбрасываний «зоньки» внутренней стороной стопы с подсчетом ударов. Опытные игроки переходили от простой игры к различным «вывертам» (повороты, перебрасыванием с ноги на ногу и др.). В «зоньку» играли учащиеся 5-8 классов. Необходимо отметить, что массовое увлечение «зонькой» быстро закончилось.

Футбол

После того, как артиллерийская батарея покинула наш район, на месте ее расположения возник большой пустырь, использовавшийся городскими жителями для огородов, выпаса домашней птицы и скота. Детям досталась середина пустыря и береговой обрыв, где они играли в футбол и проводили время, наблюдая за жизнью порта и кораблями на рейде. По окончании учебного года с обрыва запускали бумажные самолеты, сделанные из тетрадных листов. Некоторые из них, попадая в воздушные потоки, уносились в сторону порта и исчезали из виду.

На пустыре разыгрывались футбольные матчи между местными мальчишками и их гостями с других улиц района. Футбольный мяч гонялся по полю до позднего вечера. Владелец футбольного мяча пользовался особым расположением, поскольку настоящий мяч стоил дорого, и не каждая семья могла позволить себе такую покупку. Среди игроков в футбол выделялись мальчики с особой способностью к этой игре. Один из них – Володя

Ступин. Он хорошо владел мячом и обладал отменной реакцией, что позволяло ему выступать в роли нападающего. Игра с его участием приобретала особое напряжение – ускорился ее темп, что приводило к изменению счета забитых мячей. Каждая команда старалась заполучить такого игрока в свои ряды, что обеспечивало победу над противником.

Семья Володи Ступина сыграла в моей детской жизни особую роль. Некоторое время я дружил с Володей и познакомился с жизнью этой интеллигентной семьи. Мама и отец Владимира имели высшее образование и работали экономистами на рыбокомбинате. Дом на улице Промысловой, в котором они жили, был просторен и уютен. Родители Володи были людьми умными и доброжелательными, которые с готовностью делились знаниями с мальчиком из другого социального круга. В этом доме я приобщился к шахматам, а также к книгам. Мне разрешили пользоваться богатой семейной библиотекой, которую постоянно пополнял отец. Он часто увлекал детей очередной коллективной игрой или забавой. Мама Володи любила цветы и выращивала на огороде необыкновенной красоты георгины и гладиолусы.

В семье Ступиных, кроме Володи, воспитывалось еще трое детей. Старший брат, Сергей, представлялся мне взрослым. Девочки, Виктория и Нина, учились в старших классах школы и имели разный темперамент. Вика была рассудительна, а Нина загоралась делом и возглавляла его.

Нина много читала. Могу предположить, что в круг ее чтения входила также литература, считавшаяся знаком «оттепели». Однажды среди книжных новинок библиотеки рыбокомбината я нашел книгу И.Эренбурга «Люди, годы, жизнь» и рассказал о ней Нине. Она внимательно выслушала меня и сделала несколько дельных замечаний.

Каждую из девочек можно назвать красивой – они имели приятные черты лица и густые волосы, собранные в косу. Помнится, что на Нину с обожанием смотрел ее одноклассник, который некоторое время посещал их дом.

Сергей, Володя и Нина после окончания школы жили и работали в Корсакове. Нина «зарабатывала» рабочий стаж для поступления на факультет журналистики. Судьбу Вики я не знаю.

Мне представляется, что глава этой дружной семьи знал всю правду о нашей «душной русской жизни», в которой не находилось места творческим людям. Всю жизнь я храню теплые воспоминания о гостеприимных и добрых людях, которые познакомили меня с неизвестными горизонтами жизни.

Опасные занятия

Порой дети находили на пустыре занятия, которые несли прямую угрозу не только здоровью, но и жизни.

С территории судовых мастерских, что располагались под обрывом рядом с бомбоубежищем и пятой школой, мальчики приносили карбид (химическое соединение углерода с металлами и некоторыми неметаллами). С помощью этого соединения ремонтники получали горючий газ, использовавшийся для резки металла. «Юные пиротехники» бросали кусочек карбида в ямку, вырытую в земле и наполненную водой, и накрывали его железной консервной банкой. В стенке банки заранее пробивалось отверстие. Карбид вступал в реакцию с водой, и газ накапливался под банкой. К отверстию в стенке банки подносился факел. За этим следовал небольшой взрыв. Банка взлетала вверх, а «пиротехника», если он не успевал отскочить в сторону, окатывало грязью.

Однажды обитатели пустыря принесли с территории аптечного склада, который также располагался под обрывом рядом с бомбоубежищем, флаконы с этиловым эфиром (бесцветная летучая жидкостью с характерным запахом, употребляемая в медицине для наркоза). Все те же «пиротехники» бросали в костер флакон эфира, что приводило к взрыву с выбросом столба пламени. Участники этого «развлечения» (употреблю военный термин) спешили укрыться в складках местности.

Бомбоубежище строилось в конце пятидесятых годов, когда холодная война пропитывала мир страшными сценариями мировой ядерной катастрофы. После постройки его обнесли высоким деревянным забором, но окрестные мальчишки проникали на территорию этого объекта гражданской обороны и играли на зеленом покрытии из дерна. По какой-то причине один из мальчиков оказался под бетонной плитой, нависавшей над входом в убежище. Плита сместилась и придавила его. После этой смерти бомбоубежище прослыло проклятым местом, и дети обходили его стороной.

К опасным затеям относились «схватки» между мальчишескими компаниями, в которых участвовали школьники 5-8 классов. Ребята с улиц Промысловой и Рыбацкой «воевали» с мальчишками, проживавшими на Октябрьской, Первой и Второй Морской. «Противник» имел активного и энергичного предводителя по фамилии Толстиков, которого, как мне помнится, звали Владимиром. Последний раз я видел Тостикова у кассы кинотеатра «Моряк». На нем была морская форма Корсаковской Школы Мореходного Обучения (в обиходе «шмонька»). Мы обсудили общие новости. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

В «боях» наша группировка имела преимущество – Промысловая располагалась выше Октябрьской, что позволяло забрасывать наступающих градом камней. Когда «враг» входил на нашу территорию, мы рассыпались по дворам и огородам. К этим стычкам участники готовились заранее. Из фанерных бочек, служивших тарой для сухого молока, поставляемого на остров, делались щиты. Заблаговременно собирались камни. Эти «битвы» прекратились после травмы одного из участников, которому камень попал в голову.

Мальчишеская «война» некоторое время проходила между корейской мальчишеской «группировкой», в которую входили жители бараков, стоявших в начале Октябрьской, и мальчишками нашего района.

Необходимо отметить, что в дневное время мы беспрепятственно посещали любую улицу города, но опасение того, что тебя поколотят мальчишки, проживавшие в других районах, имелось, если ты оказался на «чужой» территории с наступлением темноты.

После игр и проказ мы любили отдыхать у берегового обрыва, лежа на траве. С высоты птичьего полета перед нами открывался рейд порта. Незабываемое впечатление производил заход солнца за сопки на другой стороне залива, когда таяла солнечная дорожка на воде, и повисал в небе огненный закат. Природа отправляла солнце на ночной отдых и становилась умиротворенной. После ухода светила на землю стремительно падала ночь и темнота наполнялась прохладой морского воздуха.

Катание на санях

Из зимних увлечений в младшем школьном возрасте предпочтение отдавалось саням. У всех ребят сани были самодельными. Отцу на работе какой-то умелец сварил из железных труб широкие санки, головную часть которых украшала ажурная решетка. Магазиновые сани из алюминия появились чуть позже, но они были легкими и плохо «раскатывались». В качестве горок для катания использовались улицы и переулки. Так, с Промысловой мы выезжали на Октябрьскую, а затем на Первую и Вторую Морскую в одиночку или группой. В нашем районе, далеком от центра, автомобильный транспорт не мешал катанию, поскольку автомашин в городе было мало, и редкие водители рисковали передвигаться по обледеневшим и полным снега улицам.

В субботу после уроков катания на санях продолжались до позднего вечера. Мы возвращались домой, когда застывали руки и ноги. Помнится, что во время катаний снег подтаивал на штанах с начесом и шерстяных варежках, застывая ледяными комочками, которые не удалялись даже березовой метелкой. Встречая меня, мама вскидывала руки и произносила: «Ну, до чего ты себя довел!». Она развешивала для просушки одежду, а меня усаживали ужинать. После еды сил хватало на одно – добраться до постели и уснуть.

Лыжи

В старшем возрасте зимней страстью стали лыжи. О лыжных прогулках детства можно говорить бесконечно. Они проходили вокруг маячной сопки, от которой лыжня тянулась по краю берегового обрыва до Нечаевки. В районе маяка лыжники обычно катались со склонов сопки, на которой он стоял, а затем уходили домой через городские огороды. Удобный для катания склон маячной сопки собирал взрослых и детей, солдат и моряков из воинских частей. Спуск со склона привлекал стремительностью, сопровождаясь слезотечением, вызванным холодным воздушным потоком. На склоне сопки обычно сооружался небольшой трамплин, о прыжке с которого мне до настоящего времени напоминают растянутые связки голеностопного сустава. Возвращение домой часто проходило на «последнем издыхании», когда тело требовало тепла, пищи и сна, поскольку все силы были растрчены на подъемы по склонам сопки.

Лыжные вылазки в другие пригородные районы мы совершали редко. Помню одну из них, когда мы с Леной Лодиковым, который в то время жил на улице Строительной, вышли в пригородные безлесные распадки, направляясь к Охотской дороге. Наш переход совпал с началом метели. Встречный ветер со снегом колол лицо и пронизывал до костей, мешая движению по снежной целине. В борьбе с ветром таяли силы, и нарастала усталость. Привал организовали в одном из распадков. Попытка развести костер окончилась неудачей, поскольку сырые ветки кустарников не горели, а дымили. Пришлось торопливо съесть бутерброды и поспешить назад, пока холод окончательно не овладел нами, а метель не занесла лыжню. Обратный путь потребовал меньше сил, поскольку ветер дул в спину, помогая движению. Замерзшие и голодные мы добрались до дома Лени, где нас накормили и обогрели у теплой печи. Этот небольшой переход сквозь метель заставил нас в последующем проявлять осторожность в выборе зимних маршрутов и осуществлять их с учетом погоды, прогноз которой можно было узнать из сводок, передаваемых некоторое время круглосуточно на средних волнах областного радио.

Коньки

В старших классах у нас появилось новое увлечение – катание на коньках. Городской каток заливался на стадионе «ВОДНИК», который располагался у входа в городской парк. Отец работал в порту и его членский билет общества «Водник» позволял мне посещать каток бесплатно. На каток мы ходили в субботу после уроков или в воскресенье днем, поскольку он находился далеко от дома. Для катания использовались коньки, которые назывались «канадки» (коньки для игры в хоккей). На катке обычно держались уличными или школьными компаниями. Здесь же ребята знакомились и

встречались с девчонками. Они «подрезали» их во время катания, чтобы обратить на себя внимание.

В воскресный день на катке можно было посмотреть соревнования городских команд, игравших в хоккей с мячом.

Среди зимних забав также помнятся прыжки в сугробы с обрыва или с крыш сараев после очередной метели. Занимались мы и строительством снежных крепостей, которые брались штурмом после обстрела снежками.

Морские купания у моста на Южный пирс

Корсаков, хотя и лежал у моря, не имел организованного пляжа и набережной, в чем проигрывал другим морским городам. В начале шестидесятых годов городские морские купания проходили у мостового перехода на Южный пирс. Здесь собирались, несмотря на режимные условия порта, дети и взрослые. Проникали на этот «дикий» пляж через проходную порта и окольными путями. Мальчишки нашего района пробирались к морю через территорию строительной базы какого-то предприятия, а затем двигались к мосту вдоль бетонной стенки, которую называли красивым и загадочным словом «брекватер» (волнолом), поскольку она защищала берег от морских волн. Пляж у Южного пирса образовался по нескольким причинам – это достаточно глубокое место в черте города имело широкую прибрежную полосу, покрытую галькой, и бетонную стенку, у которой любители могли принимать солнечные ванны. Большая часть купальщиков наслаждалась напором морских волн, и отдавала свои тела солнцу, которое испаряло воду, оставляя на коже следы соли.

Опоры мостового перехода использовались купальщиками для ныряний. Смелые ныряльщики прыгали в море с железных балок моста. Однажды я наблюдал прыжок одного из них, который закончился, вероятно, травмой. Ныряльщик не успел изменить положение тела при входе в воду и ударился о водную гладь животом. Друзья вытащили его на берег и вызвали Скорую помощь, поскольку чувствовал он себя очень плохо.

Дети купались у берега, соблюдая осторожность. Нарушение этого правила обернулось для меня ощущением беспомощности перед водной стихией. Я встал в глубоком месте на камень и был смыт с него волной. Пловец я никакой, а отчаянное барахтанье отнимало силы. Погружаясь в воду, я видел сквозь ее толщу небо и солнце, а в открытый для крика рот ринулась соленая до горечи морская вода. Мое беспомощное состояние заметил один из взрослых пловцов и извлек мальчишку, попавшего в беду. Понадобилось некоторое время, чтобы отойти от ужаса, испытанного в объятиях водной стихии.

Некоторые из ребят использовали для игр в воде накачанные автомобильные камеры. Подростки осваивали ласты и маски для подводного плавания, которые в это время стали появляться в магазинах.

Купальный сезон на Южном Сахалине короток и разгар его приходится на август. Приятные воспоминания о нескольких солнечных днях, проведенных на морском берегу, сохранялись в памяти до следующего года.

Кино и кинотеатры

Кино – особый пласт детской жизни моего поколения. Необходимо отметить, что для нас, детей того времени, кино являлось доступным зрелищем, которое оказывало большое влияние на мировоззрение.

Мы ходили в кино по воскресеньям, собираясь в компании. Следовал призыв моих уличных друзей – «Витька! Пойдем в кино!», и я присоединялся к ним. Мы приходили к кинотеатру заранее, «давились» в очереди за билетами, а на оставшиеся деньги покупали в буфете лимонад, простые конфеты или сладкие булочки. Затем находили в переполненном зрительном зале свободные места и ждали начала киносеанса среди шумных собратьев, которые замирали при появлении на экране первых кадров. Помню названия некоторых художественных и мультипликационных фильмов – «Девочка и крокодил», «Застава в горах», «Конек-горбунок», «Морозко», «По щучьему велению», «Приключения Гулливера». После просмотра фильма о Гулливере мальчишки некоторое время повторяли слова из песенки, которая звучала в фильме – «Моя лилипуточка приди ко мне, побудь минуточку наедине....».

В старшем школьном возрасте помнится большой успех отечественного фильма «Человек-амфибия» и чехословацкой пародии на американские боевики под названием «Лимонадный Джо». Поскольку советский зритель не знал западных приключенческих фильмов и боевиков, то они стали для нас откровением. Кинофильм «Лимонадный Джо» почему-то запрещался для показа детям до 16 лет. Слава Кутырев специально надевал галстук, чтобы его считали соответствующим этому возрасту и пропустили на киносеанс.

В то же время фильм «Молодая гвардия» запомнился отсутствием зрительского успеха. Я смотрел его в кинозале, где зрителей по пальцам можно было перечесть.

Бесплатный показ фильма «Война и мир», приуроченный к изучению этого литературного произведения в школе, сопровождался массовым бегством школьников из кинотеатра на «волю», которая предлагала «лучшие» развлечения.

Из советских кинокомедий запомнилась серия фильмов с участием Ю. Никулина, Г. Вицина и Е. Моргунова – «Операция «Ы», «Самогонщики» и другие. По прошествии стольких лет, стараюсь понять, почему люди тех лет, и я в их числе, так искренне

смеялись над незамысловатыми сюжетами этих комедий, которые сегодня вызывают, в лучшем случае, улыбку.

Из документального кино остановлюсь на фильме «Япония в войнах». Он произвел на меня впечатление большим объемом правдивой кинохроники о событиях, происходивших на Тихом океане во время Второй мировой войны.

Запомнился также просмотр в актовом зале школы документального фильма, созданного чехословацкими «друзьями по социалистическому лагерю», в котором рассказывалось о движении страны Советов от «сохи к ракете», но авторы умолчали о том, какими лишениями и жертвами сопровождался этот путь.

Кинотеатр, который мы посещали чаще других, назывался «Прибой». В то время он был центральным и располагался в японском здании в начале улицы Краснофлотской, напротив Комсомольской площади. Кинотеатр имел 2 кинозала – большой с балконом и малый. С появлением широкоэкранных фильмов экран в «Прибое» расширили. Над экраном висел транспарант с цитатой, которую приписывают В. Ленину – «Из всех искусств, для нас важнейшим является кино», а по бокам располагались гипсовые барельефы Ленина и Маркса или Маркса и Энгельса.

Билет на детской сеанс до денежной реформы 1961 года стоил 1 рубль, а после ее проведения – 10 копеек без указания места. На взрослых киносеансах стоимость билета определялась местом в кинозале и составляла от 30 копеек до 1,5-3 рублей в зависимости от места и времени киносеанса.

Интересно, что публика, посещавшая кинотеатр, отличалась импульсивностью действий в ответ на обман. Однажды в «Прибое» без предупреждения начали показывать кинофильм, который не был заявлен в афише. Зрители ответили топотом ног и свистом. Наиболее активные кинулись к окошкам кинобудки и закрыли их кепками, прервав демонстрацию фильма. В зале включили свет, и после небольшого перерыва стали показывать кинофильм, который ожидался зрителями.

Вторым по разряду городским кинотеатром был «Моряк», располагавшийся на улице Речной в здании японской постройки, напротив конторы Корсаковского торгового павильона (Корсаковторга). «Моряк» проигрывал «Прибою» в размерах кинозала. В торговом павильоне рядом с этим очагом культуры велась оживленная торговля пивом и другими горячительными напитками. За зданием кинотеатра на берегу Корсаковки стоял дощатый туалет, который служил любителям пива и посетителям кинотеатра.

В начале 60-х годов «Прибой» и «Моряк» разобрали из-за ветхости. В это же время в городе появился новый «Моряк» с одним кинозалом, возведенный по типовому

советскому проекту. Располагался он на берегу Корсаковки, справа за мостом, если двигаться от «Пяти Углов» к центру города.

Третий кинотеатр города назывался «Мир». В нем имелся небольшой уютный зал, но мы редко его посещали из-за удаленности. Здание кинотеатра стояло на возвышенности, напротив Корсаковского автотранспортного предприятия (АТП) в здании, построенном еще японцами, и к нему от остановки автобуса вела дорога с рябинами вдоль тротуара. Интересно, что рябину вокруг жилых и общественных зданий высаживали как японцы, так и новые жители города. Она украшала город во все времена года, но особенно осенью, когда гроздь ягод алели среди ветвей, сбросивших листья.

Небольшие кинозалы имелись в клубах фабрики Картонных ящиков и Рыбокомбината. Мы часто бывали в клубе Рыбокомбината, поскольку он находился относительно недалеко от нашего района, и киносеансы там проводились во второй половине дня.

Кино для детей показывали и в Доме офицеров на Краснофлотской. Это красивое здание японской постройки соседствовало с городской поликлиникой, построенной в сталинском стиле.

В 60-е годы здание Дома офицеров сгорело, и это учреждение перевели в помещение Матросского клуба на Комсомольской. Матросский клуб имел небольшой зал и также располагался в здании японской постройки. После пожара книги из библиотеки Дома Офицеров, пострадавшие от огня и воды, складывались во дворе Матросского клуба. Значительную часть этого книжного развала составляли «подмоченные» труды Вождя всех времен и народов.

Дом Офицеров, уничтоженный огнем, не восстанавливался, а Матросский клуб перевели на улицу Окружную в район школы № 3.

Новогодние праздники

В Доме офицеров детям не только показывали кино, но и проводили Новогодние утренники для школьников младших классов. На одном из них я побывал в дни зимних каникул по пригласительному билету, позволявшему получить подарок. Билет выдавался в школе ученикам, имевшим успехи в учебе. Утренники проходили по обычному сценарию детского мероприятия – Дед Мороз, Снегурочка, игры и хороводы. По завершению мероприятия раздавались подарки. Стандартный подарок представлял собой бумажный пакет с новогодним сюжетом на лицевой стороне, наполненный карамелью, шоколадными конфетами, упаковкой вафель или печенья, яблоком и/или 2–3 оранжевыми мандаринами. Некоторые дети приходили на утренник с костюмами медведей, зайцев и снежинок или с масками зверей. Я принес маску медведя из папье-маше (легко

поддающаяся формовке масса из смеси бумаги, гипса, клея, крахмала, применяемая для изготовления различных предметов путем прессования). Почему-то помнится ее запах, созданный смесью клея и красок.

В канун Нового Года в актовом или спортивном зале школы ставилась елка, у которой проводились утренники для малышей и Новогодние вечера для старшеклассников. К этому дню готовились номера самодеятельности и конкурсы, проводилась лотерея. У старшеклассников вечер завершался танцами.

Сохранился в памяти утренник с подарком на отцовской работе. Елка для детей портовиков устанавливалась в просторном зале ожидания Морского вокзала на Южном пирсе. В зал вел переход, проложенный над причалом. Он казался мне, ребенку, длинным-предлинным, а люди в конце его представлялись маленькими-премаленькими. По мере сближения встречные становились все больше и больше, и я понимал, что это я маленький, а они большие. Морской вокзал, как и порт, строили японцы. Запомнились его конструктивные особенности – ажурные чугунные стойки, которые поддерживали крышу перехода и зала ожидания.

В августе 1945 года размеры вокзала впечатлили морского офицера Игоря Смирнова, который опубликовал небольшие заметки о жизни порта и города в книге «Лейтенантское плавание» на сайте <http://www.NAVY.ru>.

Заезжий фокусник или куда делось разбитое яйцо?

Однажды в Доме офицеров выступал заезжий фокусник. Билеты на представление распространялись среди школьников младшего возраста. Перед началом выступления зрительный зал заполнился шумными мальчишками и девчонками. Непоседливые зрители гремели откидными сиденьями деревянных стульев, предвкушая новизну впечатлений, но все притихли, когда на сцену вышел артист. Выступление состояло из стандартного набора трюков – исчезновения платков, появления голубей и «чудес» с участием ассистентки. Завершалось оно обращением к зрителям с просьбой одолжить для последнего фокуса головной убор. Нашелся мальчишка, который предложил фокуснику шапку. Артист на глазах у публики разбил и вылил в нее несколько куриных яиц, а затем вернул вещь владельцу, но без следов разбитых яиц. После представления владелец шапки пользовался большим вниманием – за ним шла толпа мальчишек, каждый из которых хотел убедиться, что головной убор действительно чист.

Юные пожарные и пожары в городе

В кружок «Юный пожарный» я записался в школе. Занятия кружка проходили в городской пожарной части на улице Краснофлотской. Занимался с нами младший офицер пожарной части – человек спокойный и рассудительный. Обучение юных пожарных

являлось одной из форм работы с детьми и «спускалось» пожарной части «сверху», но у меня занятия оставили самые хорошие воспоминания.

Теорию пожарного дела новоявленные пожарные не изучали, а практика началась с посещения помещений пожарной части, где мы научились скатываться, обняв металлическую трубу, со второго этажа здания на первый. В дальнейшем занятия проводились на «полосе препятствий», и включали преодоление щита, бег с пожарными рукавами и стволом по буму с присоединением их к магистрали. Завершалась полоса подъемом по штурмовой лестнице до окна второго этажа на макете здания. Надо сказать, что занятия на «полосе препятствий» не прошли даром, и все юные пожарные научились ловко перебрасывать тела через щит, бегать по буму и взбираться на подоконник по штурмовой лестнице. Успеху в пожарном деле способствовали маленькие «хитрости», известные профессионалам. Так, при подъеме по лестнице ноги и руки должны работать в ритме – правая рука-левая нога и наоборот, что значительно ускоряет движение. Обучение завершилось соревнованием, на котором юные пожарные продемонстрировали полученные навыки.

Не знаю, кто из «юных пожарных» в последующем выбрал эту профессию, но мы узнали о тяжелом труде «огнеборцев», получили навыки, которые могли пригодиться во взрослой жизни.

У меня особое уважение к труду пожарных, работу которых я много раз наблюдал при тушении многочисленных пожаров, возникавших в городе, который, в то время, в большинстве своем, состоял, как уже говорилось, из легких деревянных японских построек. Добавьте к этому печное отопление ветхих жилищ и безалаберность жителей. Город постоянно приносил в жертву огню какие-либо строения. Запомнились страшные ночные пожары, когда окружающая местность озарялась всепожирающим пламенем, на пути которого вставали пожарные. Они старались защитить от огня соседние дома, что было трудно сделать при сильном ветре или во время метели.

При больших пожарах в водопроводной сети города повышалось давление, и из поломанных японских водопроводных колонок начинала сочиться вода, чего не наблюдалось в обычное время.

Пожарные строили на улицах города, удаленных от источников воды, емкости, которые назывались «пожарные водоемы». Это сооружение представляло собой яму, стенки которой «обшивались» деревом. Сверху емкость засыпалась землей, и оставлялся небольшой люк, который утеплялся на зиму. Вскоре крышки люков вскоре валялись рядом с водоемами или исчезали, что делало ямы опасными для детей и взрослых. Местные жители бросали в емкости разный мусор. Пожарные периодически очищали

водоемы, наполняя их водой, восстанавливали крышки, но все повторялось вновь, отражая неопрятность многих жителей города в быту.

Горожане жили в постоянной опасности пожара, который числился в разряде несчастия из несчастий. Мама постоянно напоминала мне и сестре о бережном обращении с огнем, а примеров нарушения этого правила, когда люди покидали в одном белье постройку, горящую факелом, имелось предостаточно.

Юные пограничники

Помнится еще одна форма работы с детьми – кружок «Юный пограничник». Пограничники не могли похвастать регулярностью занятий. В школе они провели 2 или 3 занятия. На одном из них мы узнали, что подозрительным юному пограничнику должен показаться человек, фотографирующий морской порт, но мы сами не раз снимали порт с высоты берегового обрыва незамысловатыми фотоаппаратами «Смена» и не считали себя нарушителями. В этой съемке меня привлекала возможность сделать интересный снимок, наполненный разнообразными объектами.

Одно из занятий кружка прошло на городской «пограничной заставе», которая располагалась напротив школы № 1. На этом здании имелась вывеска, гласившая, что здесь располагается отдел КГБ (Комитет Государственной Безопасности – предшественник ФСБ). Известно, что пограничники были частью этой структуры.

На том кружок «юный пограничник» «приказал долго жить», напомнив, что Сахалин являлся пограничной зоной.

Всякая зона ограничивает свободу жизни. В Советское время мне, гражданину своей страны, не раз приходилось оформлять пропуск на въезд в зону, а родителям высылать приглашение, необходимое для оформления этого документа. Известно, что органам трудно вести работу, направленную на выявление похитителей государственных тайн или нарушителей режима на конкретном объекте. Проще демонстрировать активность, создавая неудобства для собственных граждан, а зону использовать в собственных экономических целях. Практика режима пограничной зоны, отмененная в годы перестройки, в наше время возвращается. Чиновники в погонах получают неограниченный доступ к природным ресурсам закрытых от чужого взора территорий.

Диковинные животные

Однажды отец повел нас с сестрой в порт посмотреть на обезьянку, которую на морском судне привезли из теплых краев. Мы поднялись на борт корабля и увидели стоявшую на палубе клетку. По ней металась обезьянка, которая с радостью принимала в подарок яблоки и конфеты. Она демонстрировала ловкость, перехватывая их в броске, но мне стало грустно. Где-то далеко остался ее дом, и неизвестно каким будет будущее.

Моряки, возвращаясь из дальних плаваний, иногда завозили в город обезьян и с ними случались разные истории. Так, одну из невольниц содержали в городской квартире, но она бежала из заточения. По другой версии ее выпустили на волю после погрома, который она устроила в квартире, где ее держал хозяин. После побега несчастное животное некоторое время обитало в лесу на склоне сопки вдоль улицы Окружной, пугая жителей набегами на дворы и огороды. Южный Сахалин по своим климатическим условиям далек от Юга Азии, поэтому не трудно предположить исход свободной жизни обезьяны в городском лесу.

Обезьяны «заезжали» на остров по случаю, а сахалинские медведи – аборигены этой земли, живут в дикой природе острова. Одного из них, попавшего к людям в малом возрасте, некоторое время держали в железной клетке на турбазе «Горный воздух». Измученный вид несчастного медведя говорил о тяжести неволи, которой подвергали его люди.

Другой, но государственный «эксперимент», проводился с оленями в районе озера «Тунайча» и освещался местной прессой. В окрестных лесах охотоведы пытались развести подвид благородных оленей – изюбрей, но это насилие над природой, как мне помнится, закончилось неудачей. Глубокие сахалинские снега лишили оленей природного корма, и человек должен был постоянно поддерживать жизнеспособность небольшого стада. Не оставляли зверей без внимания и браконьеры.

Дом пионеров

Работа Дома пионеров мне хорошо известна, поскольку я посещал столярный и музыкальный кружки этого детского учреждения.

Столярным кружком руководил профессиональный столяр, который был далек от педагогических приемов. По этому поводу он не горевал, занимаясь левыми заказами, а между делом контролировал успехи учеников в изготовлении табурета. Учебный год в кружках завершался «выставкой-отчетом». Табурет был венцом моего столярного дела. Вернее сказать, изготовленный и приготовленный к выставке предмет, назывался табуретом, но функционировать в этом качестве он не мог. Табурет-табуретом, а простейшие навыки владения столярным инструментом мы получили, что затем пригодилось в обыденной жизни.

Некоторое время я посещал музыкальный кружок, где пытался продолжать обучение игре на баяне. Вел кружок дородный рыжий человек с большими и толстыми пальцами. Я не переставал удивляться ловкости, с которой они двигались по правой и левой клавиатуре, когда их хозяин играл на баяне. Помнится и один из приемов обучения

игре на музыкальном инструменте – при ошибках по пальцам ученика наносились удары карандашом. Не скажу, что мне было больно, но неприятно.

Голубятни

В конце пятидесятых годов многие ребята держали голубей. Успех сопутствовал тем, кто любил этих красивых птиц и умел ухаживать за ними. В воздухе над городом появились стайки голубей, выполнявшие замысловатые кульбиты. Птиц продавали, обменивали, демонстрировали друзьям и знакомым, носили лучших питомцев за пазухой, целовали в клювы и гладили перед полетом. У большинства голубеводов это увлечение вскоре угасло, так как требовало больших материальных затрат. Верность своей страсти сохранили отдельные любители, и породистые голуби стали редкостью в городском небе.

ПОЕЗДКИ НА МАТЕРИК

Впервые за пределами острова

Первый раз я покинул пределы острова в возрасте 4 лет, когда родители решили посетить родные места. От этой поездки в памяти остались лишь отдельные эпизоды. Запомнились палубы парохода, на котором мы преодолели путь от Корсакова до Владивостока. Они были забиты народом, заполнявшим пространство котомками, чемоданами и своими телами. В дальнейшем путь до города Кургана пролегал по железной дороге, и моим любимым занятием стало наблюдение за картинами мира, которые менялись за окном вагона.

Следующая поездка состоялась через десять лет, и она наполнилась приметами другого времени – путешествие проходило по воздуху. Великолепный по тем временам турбовинтовой самолет – «ИЛ-18» перенес нас с сестрой и маму из Южно-Сахалинска в Хабаровск, а затем в Свердловск (Екатеринбург). Далее полет продолжался на грузопассажирском самолете «Ли-2». Если «ИЛ-18» летел на высоте нескольких километров и вид за стеклом иллюминатора привлекал мое внимание при взлете и посадке, то «Ли-2» «шел» вдоль железной дороги, что позволяло обозревать различные детали картины, открывавшейся внизу местности – по дорогам двигались поезда и автомобили, молодой зеленью красовались леса, блестели глади рек и озер. Мое восторженное впечатление от увиденного испортила воздушная качка, но вскоре полет закончился и самолет приземлился на зеленом летном поле небольшого Курганского аэродрома.

Наша поездка началась в конце мая. Если на Сахалине в это время природа только-только пробуждалась, то Хабаровск поразил обилием молодой листвы. В Кургане меня удивили березы. На Сахалине они не отличались статностью, а здешние «красавицы» шумели зеленью на длинных и ниспадающих ветвях.

Время в деревне прошло быстро среди многочисленных родственников мамы и отца. Брат отца, дядя Андрей, предоставил в мое пользование небольшой мотоцикл, на котором были покорены все проселочные дороги. Мое появление в деревне оказало влияние на местную моду – аборигены моего возраста стали заворачивать до плеча длинные рукава своих рубашек.

Мы возвращались домой в августе. Путь от Кургана до Хабаровска пришлось проделать в «общем» вагоне почтово-товарного поезда, который тянул паровоз. До сих пор помню жесткую полку, от лежания на которой вскоре стали болеть бока. Частички угля и сажи, летевшие из паровозной трубы, набивались в щели у окон вагона и оседали на потных телах пассажиров. Вместе с нами вагонные полки делили другие мученики – матрос и старшина сверхсрочник с семьей. Старшина служил стрелком-радистом в стратегической авиации, что базировалась в Амурской области у станции Серышево, и рассказывал о случаях исчезновения боевых машин во время патрулирования над Тихим океаном.

Хабаровский аэропорт представлял собой коробку из стекла и бетона с душными залами и небольшой постройкой сталинского стиля, в которой было пустынно, но предназначалась она, если верить вывеске, депутатам высокого «разлива».

Из Хабаровска до Южно-Сахалинска мы добрались по воздуху и после часа пути были дома. Дворовый пес Джек не узнал нас, но вскоре перестал беспокоиться и завилал хвостом. За время нашего отсутствия кошка родила котят, которые одичали, и потребовалось некоторое время, чтобы их приручить.

Все в этом мире кончается. Закончилось и наше путешествие, после которого понимаешь смысл поговорки – «В гостях хорошо, а дома лучше!»

Хабаровский техникум связи

В 1965 году после окончания 8 класса, я поступал в Хабаровский техникум связи. Предложение подать документы в приемную комиссию этого учебного заведения последовало от Славы Кутырева. Наш интерес к радиотехнике можно назвать решающим фактором в этом деле, и я принял его план, предварительно посоветовавшись с родителями. Мама всплакнула, узнав о моем желании, и предлагала кончить среднюю школу. Отец одобрил выбор, считая, что воплощение этого замысла – дорога к профессии, и я стал готовиться к поездке в Хабаровск. Собирая сына в дорогу, мама зашила в резинку трусов 25 рублей, напутствуя при этом, что 1 рубль найдется, если придется возвращаться домой (билет на самолет от Хабаровска до Южно-Сахалинска в те годы стоил 26 рублей).

Слава, который собирался жить у знакомых, уехал в Хабаровск раньше меня. Пришло время, и пассажирский самолет перенес абитуриента с острова на материк, а

добрые люди показали дорогу к техникуму. Не успел я застелить койку, полученную в общежитии, как в дверь комнаты постучали. В коридоре стоял парень, который сказал, что у входа в общежитие меня ждет знакомый. Не ожидая подвоха, я спустился на вахту, но у входа было пусто, и я вернулся в комнату. Тут стало ясно, что меня «дешево купили – чемодан, с которым я приехал, был вскрыт. Вор искал деньги и не брал вещи. Моя дорогая матушка знала жизнь и разделила деньги на две части – одну было наказано держать при себе (не считая тех, что зашиты в резинку трусов), а вторая – была помещена в подкладку чемодана. Поскольку жулик торопился, то он не добрался до тайника, и его добычей стала плитка шоколада, положенная мамой в дорогу. Кроме того, он рассыпал зубной порошок, доставив к заботам разного рода, работу по очистке вещей от мела.

Таким образом, моя самостоятельная жизнь началась с урока, который гласил, что не надо «раскрывать рот».

Комнаты общежития постепенно заполнялись абитуриентами. Большинству из них пришлось столкнуться с насилием и воровством, в котором участвовали учащиеся техникума, проживавшие в общежитии. Под угрозой расправы они обирали вчерашних школьников. Потенциальную жертву, а я побывал в этом качестве, вталкивали в одну из комнат общежития, где на кровати сидела «личность» в темных очках, перед которой стоял табурет с воткнутым в сиденье ножом. «Личность» требовала в течение часа принести 3 рубля и обещала кару за отказ в этой «просьбе». Для расправы с «отказниками» привлекались городские сообщники, проникавшие в общежитие по пожарной лестнице поздним вечером. Тех, кто поддавался угрозам, продолжали «доить» – требуя деньги. Я денег не принес, но меня не трогали, вероятно, по причине того, что ребята нашей комнаты перестали ходить поодиночке, а с организованной группой «личность» и его окружение не связывались.

Вступительные экзамены проходили в августе. В это время в Хабаровске стояла теплая погода с кратковременными дождями и грозами. Вскоре экзамены были сданы, но на небольшое отделение «радиосвязь и радиовещание» был объявлен большой конкурс среди абитуриентов, имеющих трудовой стаж, а школьники участвовали в отборе по остаточному принципу. Мне и Славе предложили учиться по специальности «радиорелейная связь». Результат вступительных экзаменов и вероятность дальнейшей жизни в «разбойном» окружении способствовали тому, что желание учиться в техникуме угасало, а стремление вернуться домой усиливалось с каждым днем.

Мы побывали на первом организационном занятии, на котором узнали, что первокурсников на следующий день отправляют на сельскохозяйственные работы. Мое заявление преподавателю, о том, что я готов выполнить это распоряжение, но только

после получения из дома посылки с теплой одеждой и резиновыми сапогами, не нашло понимания. В ответ последовала гневная тирада о том, что надо исполнять приказы и после поступления мы «себе уже не принадлежим». Поводов покинуть техникум набралось предостаточно, и я забрал документы со словами – «Как поступил, так и выступлю». Слава последовал моему примеру.

Заветные 25 рублей были извлечены из «тайника», а рубль у меня имелся, и на следующий день я вступил на островную землю.

Читатель, знающий те времена, может спросить меня: «Как Вы улетели из Хабаровска в Южно-Сахалинск в день приобретения авиабилета, когда на календаре последняя неделя августа, и на остров возвращались отпускники со школьниками, которым первого сентября надо было начинать учебный год? Билеты в кассах в это время отпускались, в лучшем случае, на середину сентября». Дело в том, что я был один и не имел багажа, что позволяло решить проблему просто – приходилось стоять у стойки регистрации всех рейсов, уходящих на Южно-Сахалинск. После окончания оформления пассажиров, почти всегда имелись свободные места, и они в последний момент заполнялись желающими улететь, независимо от даты вылета, проставленной в билете. В том случае, если «этот номер не проходил», имелась еще одна возможность попасть на отходящий рейс.

В то время в аэропортах отсутствовала сегодняшняя система безопасности, что позволяло пройти на посадку без посадочного талона. В этом случае свободное место ожидалось у трапа самолета. При наличии конкурентов работало правило очереди. В случае удачи у билета «счастливца» отрывался контрольный талон, и он пропускался в самолет, что обычно проделывалось за минуту до удаления трапа.

Автомобильная дорога от Южно-Сахалинска до Корсакова еще не имела твердого покрытия, и неудавшийся учащийся радиотехникума появился дома, покрытый пылью с ног до головы. Впереди меня ждали два года учебы в родной школе.

Отец Славы обижался, что сын не стал учиться в техникуме. Мой отец также не одобрял моего решения, но мама не скрывала радости от подобного исхода моей самостоятельной жизни в течение месяца.

Надо отметить, что первая «вылазка» из родного дома многому меня научила. Мир детства сокращался, а открывался другой, взрослый, таящий не только радости, но и опасности.

ВРЕМЕНА ГОДА

Рассказывать о временах года на Южном Сахалине можно бесконечно. Попытаюсь воспроизвести некоторые детские впечатления.

Начну с весеннего пробуждения природы. В начале марта появлялись первые признаки наступающей весны. Заметно удлинялся день, а солнечный свет приносил слабое, но тепло, от которого подтаивала освещенная солнцем сторона сугробов. Весной в распадках и у морских скал можно было обнаружить уютные уголки, прогретые солнцем. На берегу моря первыми вестниками жизни становились маленькие мушки, которых трудно назвать сонными. Они беззаботно радовались теплу на морском песке, нагретом солнцем. Снег не торопился покинуть сахалинскую землю и лежал в глубоких распадках до июня. Грязно и неуютно в городе после зимы. Медленно выходили из земли травы, и не спешили показаться на свет листья деревьев, опасаясь холодных туманов.

Постепенно время брало свое – солнце чуть-чуть согревало холодный воздух и приходило туманное, холодное и дождливое лето. Таким оно оставалось до августа, радуя островитян редкими теплыми днями. Август и начало сентября – особое время для сахалинцев, озаменованное увеличением числа солнечных дней. В этот период природа замирала перед новым актом сложных взаимоотношений между землей, водой и небом.

Осень начиналась с увеличения числа пасмурных дней, падения температуры воздуха и частых дождей. Приметным знаком этого времени года становились ветры и сильные бури на море (штормы). Они проверяли на прочность крыши домов, деревья, электрические линии и портовые сооружения. В это время большие корабли уходили на рейд порта, а малый флот укрывался в гаванях. Ветер прибывал к земле стайки воробьев и покрывал гроздьями рябины тротуары. Красный цвет ягод смешивался с красками осенней листвы, брошенной на землю. Ягоды и листья мокли под дождем, оповещая горожан о глубокой осени с темными и мрачными ночами.

Заморозки и редкие снежинки, парящие в холодном воздухе, говорили о скором наступлении зимы. Основное представление сахалинской зимы, поставленное природой – снежные бури, вызываемые циклонами, которые один за другим накатывались на остров со стороны японских островов, встречаясь над островом с холодным воздухом моря. Они приносили на остров огромные массы снега. Жизнь в городе в это время замирала, и начиналась борьба за выживание. По центральной улице постоянно двигались бульдозеры, которые пробивали дороги в снегах, а воинские части выделяли для неотложных нужд города гусеничные вездеходы – транспорт, способный преодолевать снежные заносы. Прекращалось сообщение с поселками и селениями. Отменялись занятия в школах. В это время случались разные несчастья. Так, мне известен случай, когда люди, застигнутые метелью в автомобиле, погибли от отравления выхлопными газами.

Снегопад обычно продолжался несколько дней. С его завершением город оживал, выбираясь из-под снега.

После метели снег лежал на улицах причудливыми и белоснежными сугробами, но вскоре они становились черным от сажи, которую выбрасывали в воздух города угольные котельные (кочегарки). Угольные кочегарки – бедствие для города. Добавлю, что печи в жилых домах и бараках также топились углем. Даже в панельных домах на кухнях ставились варочные печи, которые при авариях на теплотрассах спасали горожан от холода. Известным источником копоти был энергопоезд, работавший на угле. Он стоял на берегу Корсаковки за фабрикой картонных ящиков ниже по течению. Выбросы из его низких труб содержали огромное число мелких частиц угля с острыми краями. Поэтому, попадая в дымное облако, горожанин щурил глаза, предохраняя их от повреждения.

Дым от всех источников копоти накрывал город темной шапкой, которую можно было наблюдать с пригородных сопок. За городом снег оставался белым, что резко контрастировало с чернотой городского пейзажа.

Зима на юге Сахалина относительно теплая. Температуры редко уходили за отметку ниже $-10-15^{\circ}\text{C}$, что позволяло кататься на лыжах в лыжном костюме и пережить это время года без зимнего пальто.

Возможны некоторые вариации в сроках и выраженности природных явлений, но сахалинская погода помнится неустойчивым летом и теплой зимой.

ДОМ И СЕМЬЯ

Домашние животные и птица

Жители Корсакова, заброшенные разными жизненными обстоятельствами в маленький городок на берегу моря, в большинстве своем, были выходцами из деревень и маленьких поселений. Вольно или невольно, но они сохраняли привычный для них уклад жизни. В первую очередь это касалось содержания животных.

Самой распространенной живностью в городе были собаки и кошки.

Наша семья стала держать собаку после того, как мы остались без кур, которых украли непосредственно из курятника. Пса назвали «Джек». Это была беспородная, но умная собака, отличавшаяся злобным отношением к представителям человеческого рода, источавшим запах алкоголя. Мы любили Джека за верность. Однажды, когда он был молодым псом, мы с отцом взяли его на прогулку в район маяка. В лесу Джека спустили с поводка, но собака не вернулась. Мы звали его, но безрезультатно, и пошли домой, расстроенные потерей любимца. Через 2 или 3 недели Джек прибежал домой с веревкой на шее. «Потеряшку» накормили и обласкали. Кто-то приманил, а затем держал на привязи молодую собаку, но пес не забыл дорогу домой и бежал из неволи при первой возможности.

Следующая история, случившаяся с Джеком, относится к разряду загадочных происшествий и, вероятно, связана с корейской национальной кухней, которая, как известно, включает блюда из собачьего мяса. После очередной ночной прогулки, когда собака не вернулась домой, мы нашли ее под забором с раной на животе. Возможно, пес стал жертвой охотника за собачьим мясом, который пытался подцепить собаку крючком из стальной проволоки. К счастью, рана у Джека закрылась.

Подобные происшествия происходили и с другими собаками нашей улицы. Связывались они со стариком корейцем, который жил в одном из барачков и носил пальто с воротником из шкуры собаки. О нем говорили, что он ловит собак для еды, и пропавших псов списывались на его счет. Этот вымысел можно отнести к разряду детских страшилок, но он имело хождение среди детей, и мы в него верили.

В моей жизни постоянно присутствовали кошки. У городских жителей, как и сельских, кошка ценилась за умение ловить крыс и мышей. В Корсакове кошкам хватало пищи, поскольку грызуны в обилии размножались в деревянных домах, сараях, курятниках, городских помойках и свалках. В пятидесятые годы среди кошек еще встречались особи с короткими хвостами, напоминавшие о том, что когда-то в данной местности жили японцы, но постепенно эта генетическая линия растворилась в массе обычных европейских особей.

До начала 60-годов на окраинах города многие жители держали коров. Занимались этим семьи с крепкими крестьянскими корнями. После гонений на владельцев личного скота этот вид сельской деятельности в черте города почти прекратился.

Украшением нашего небольшого дворика были куры с петухом. Мама умела ухаживать за этой птицей. Слабых кур она старалась кормить отдельно от сильных товарок. Особям, получившим эту привилегию, также разрешалась свободная прогулка в пределах двора. Одной из таких кур звали «Танька». Она выросла под кухонным столом из слабого цыпленка. Этой курице разрешалось подниматься на крыльцо и проходить на кухню, где она проверяла кошачью миску и получала дополнительное питание. Однажды Танька заболела, и мы с сестрой носили ее в ветлечебницу. Не помню, как проходило лечение, но курица поправилась.

Летом на мне лежала обязанность по обеспечению кур свежей травой, которая заготавливалась на пустырях и склоне берегового обрыва. Мне представлялось, что на обрыве трава сочная и густая. Одна из подобных «экспедиций» сложилась неудачно – с мешком травы в руках я сорвался с обрыва. Сначала движение по каменистому склону проходило на «пятой точке», а затем на животе. После этого спуска мама долго

обрабатывала многочисленные ссадины, полученные при движении по камням, раствором бриллиантовой зелени («зеленкой»).

Некоторые горожане, жившие на окраинах рядом с пустырями, где в обилии росла трава, имели в своем хозяйстве гусей и уток.

В убогих сарайчиках жители выкармливали свиней, но наша семья этим не занималась, вероятно, по причине отсутствия навыков по их содержанию.

Домашнее птицеводство и свиноводство требовали кормов, которых не было в свободной продаже. По этой причине для кормления живности приобретался печеный хлеб, поскольку стоил сравнительно дешево – от 10 до 20 копеек за буханку. Власти пытались бороться с этим явлением, ограничивая отпуск хлеба в одни руки, публикуя в газетах и журналах разгромные статьи и фельетоны. При содержании свиней удача сопутствовала тем, кто мог «достать» (чисто советский термин) в столовых, воинских частях или кораблях пищевые отходы (помои).

Питание семьи

Рацион нашей семьи определялся материальным доходом и некоторыми традициями. Излишеств в питании не припомню, но на столе присутствовали мясо, сливочное масло и рыба (селедка, камбала, а зимой корюшка и навага). По утрам мама обычно готовила каши – манную, рисовую или гречневую. В питании широко использовался картофель, который жарили на масле, а также варили «в мундире» для приготовления винегрета, овощного салата или пюре. Яйцо служило добавкой к различным блюдам или предлагалось по утрам, сваренное в «мешочек». На обед готовились суп, борщ или рассольник. Второе блюдо состояло из рыбы или мяса (котлета, гуляш), мясных (тушеного мяса – «тушенки») или рыбных консервов (сайра в масле и др.). Гарниром служили картофельное пюре, крупы, макаронные изделия (макароны, рожки, вермишель). Часто готовились макароны «по-флотски» (макароны с мясом, пропущенным через мясорубку). Завершался обед стаканом киселя, компота или чая. Ужин обычно включал оставшиеся компоненты обеда и скрашивался сладостями, купленными мамой после работы.

По воскресным, субботним и праздничным дням мама часто пекла пряники с ванилью, запах от которых распространялся по нашему маленькому и скромному жилищу, проникая во все его уголки. В эти дни к столу подавались блины или пирожки с различной начинкой. Брусничные пирожки во время приготовления истекали соком, распространяя характерный брусничный запах. Из дикорастущих ягод и смородины готовилось варенье, которое ставилось на стол к блинам или чаю.

Глубокой осенью заготавливалась квашеная капуста, которая шла в пищу с растительным маслом или в тушеном виде. Во время шинкования капусты мы, дети, ожидали кочерыжки, которые считались лакомством. Готовилась капуста в деревянной бочке. Зимой она хранилась в холодном коридоре, где замерзала. Перед использованием капусту доставали из бочки, и она оттаивала при комнатной температуре.

В дни получения заработной платы (получки) родители покупали шоколад или другие сладости – конфеты, печенье или пряники. Хорошо помню марку шоколада, который приносил отец – «Ванильный». На Сахалине долгое время не было кондитерской фабрики (до начала семидесятых годов). Шоколад и конфеты завозились с материка, на упаковке которых значились названия известных московских и ленинградских кондитерских фабрик – «Красный Октябрь», «им. Крупской».

Пища разнообразилась во время праздников. Особо помнится Новый Год, к которому готовились заранее – делались пельмени, салаты и винегрет, варился холодец, пеклись пироги и пряники, покупались конфеты и фрукты. До разрыва отношений с Китаем (времена «культурной революции») на остров поставлялись китайские яблоки и мандарины. Каждый плод был обернут в бумагу, и хранился в ящике с рисовой шелухой. Яблоки не имели яблочного аромата и отличались жесткостью, а мандарины, напротив, радовали характерным запахом и сладким вкусом.

Запах игрушек моего детства

Кто помнит, как пахнет новая игрушка из его детства? В наше время они, в большинстве своем, делаются из пластика, и к ним «прилагаются» химические запахи. В пятидесятые годы материалом для игрушек часто служило железо, и они пахли машинным маслом, которое защищало металл от ржавчины. Обязательным в запахе этих игрушек был компонент, приносимый краской.

Я вспоминаю металлический игрушечный автомобиль с красной кабиной. У него, как у настоящей машины, открывались дверцы кабины и задний борт кузова, а железные колеса опоясывала черная резина. Машина имела заводной механизм, который приводился в действие железным ключом, что превращало автомобиль в увлекательную игрушку. После «завода» машина пускалась по намеченному маршруту. Эту дорогую игрушку мне подарил дядя, Вениамин Григорьевич, живший некоторое время с нами. Мы садились на пол друг напротив друга и пускали машину. Дядя Веня смеялся и был увлечен этим занятием не меньше меня. Детство дяди прошло в предвоенные и военные годы и игрушка, вероятно, напоминала ему о несбывшихся желаниях тяжелых лет.

Пауки крестовики

Детали прошлой жизни вплетаются в воспоминания, замыкая ячейки времени. Почему-то запомнились пауки крестовики, жившие неторопливо и степенно в углу нашего дома. Каждое лето они делали добротные сети и ловили в них мух, уверенно пеленая добычу в кокон из паутины. Нам, детям, запрещалось обижать пауков, которые, по мнению мамы, охраняли дом от разных напастей. До настоящего времени я отношусь к паукам почтительно и спасаю их из ванны, когда они попадают туда. Мне до настоящего времени представляется, что пауки являются пришельцами из неизвестного и далекого мира.

Паслен и мак в огороде

За сараем каждую весну поднимались из земли паслен и мак. Летом, потемневшие ягоды паслена мы поедали без опасения отравиться, а из спелых коробочек мака вытряхивали в рот вкусные маковые семена. На следующий год эти постоянные обитатели огорода вновь появлялись на нем. Вырастали они без нашего участия, самосевом. Однажды старик кореец попросил маму, называя ее мадам, разрешить ему надсечь головки мака для получения макового «молочка». Мама ему в этом отказала, хотя в те годы она, вероятно, не знала, что это растение может использоваться для приготовления наркотика.

РОДИТЕЛИ

Меня часто посещают воспоминания о каждом из родителей в отдельности и всех нас вместе. Вот мама стоит на крыльце и встречает меня после очередной прогулки. Она целует меня и обнимает. Отец, работающий во дворе, спрашивает о моих делах. Он сдержан в своих чувствах. Мы все за столом – отец, мама, сестра и я. По нашей тесной квартирке распространяется тепло от печи, которую растопила мама, вставшая раньше всех. Новогодняя елка дома и ее украшение... Мандарины, яблоки и конфеты на елке.... Последняя встреча с отцом – он идет по полю аэродрома к самолету ... с мамой – она машет мне рукой с балкона. Прощайте, мои родные и простите, если что было не так.

ЗА ЧТО Я ЛЮБЛЮ КОРСАКОВ?

Этот вопрос задавался на сайте города. Один из ответов я нашел в блоге молодой жительницы города под заголовком: «Ну что тебе сказать про Сахалин...» (<http://www.livejournal.com/users/anechek/72818.html>).

Привожу его в сокращении – «Я не люблю Корсаков... Не люблю за режимное водоснабжение. Здесь проблемы с питьевой водой, и поэтому воду включают на четыре часа в день. На два часа утром и на два вечером. Не люблю за отсутствие горячей воды. Горячая вода, как таковая, здесь просто не предусмотрена. В квартирах только кран

холодной воды. В каждой квартире титан. Как правило, дровяной... Суббота – банный день в городе. Вечером этого дня ходить в гости не принято все – топят титаны и моются. Не люблю за холод... Сейчас, ко всему этому добавилась полная запущенность города... дороги пребывают в ужасном состоянии, фасады осыпались до черноты, повсюду встречаются развалины и завалы старых заброшенных помещений и гаражей... Я не люблю этот город. Угораздило же моих родителей жить именно здесь...». Все правильно, но большинство настоящих или бывших жителей города доброжелательны к нему. Они знают беды и проблемы родного городка, страдают от этого, но он заряжает их радостью жизни, вероятно, по причине нашего устройства – многое плохое забывается. В ином случае имеется опасность постоянно жить с неприятностями в памяти.

Отвечу и я на поставленный вопрос – люблю за то, что здесь вырос, за то, что в нем моя память о родителях, моей семье, друзьях и знакомых. Этого не отнять и не зачеркнуть. Да, он грязен и неуютен. Но он – порождение своего прошлого и настоящего, устройства всей нашей жизни, и он в этом не виноват. Но мы любим его, как любим своего неумытого или больного ребенка. Почему многие его покидают? Нас уводят мечты и профессиональные стремления, а он, как родитель, отправляет своих детей по всему миру. Они делают его известным. Те же, кто остается, наблюдают за течением лет и совершают свой земной путь вместе с любимым городом, мудро воплощая свои стремления в детях и повседневных занятиях.

Каждый из нас, живущих далеко от него, надеется на новую встречу с родным городом, но не всем суждено осуществить эту мечту. Мы остаемся один на один с памятью о нем – сопками, покрытыми незатейливыми цветами под названием «огоньки», туманами и морем, лицами людей того, прошлого времени, и многим другим, что навсегда остается в наших душах.

ДРУЗЬЯ, ОДНОКЛАССНИКИ И УЧИТЕЛЯ

Привожу список друзей, одноклассников и учителей. Заранее простите, что не всех вспомнил или в чем-либо меня подвела память.

Друзья и одноклассники:

1. Андреева Алла – окончила Южно-Сахалинский педагогический институт; дальнейшая судьба неизвестна;
2. Белова Валя – после окончания школы уехала к брату в один из приволжских городов; дальнейшая судьба неизвестна;
3. Бобылева Валентина – жила и работала в Корсакове;
4. Боякова (Коновалова) Нина и Коновалов Валера – после окончания школы Нина и Валера поженились. Они вырастили двух дочерей и воспитывали внуков. Нина окончила медицинское училище и работала медицинской сестрой. Семья жила в Корсакове, а затем переехала в Краснодарский край. Валера умер 30 августа 2006 г;

5. Глазкова Наташа – окончила техникум по гидросооружениям, некоторое время работала по специальности в Корсакове, затем уехала из города; дальнейшая неизвестна;
6. Головин Виктор – судьба неизвестна;
7. Долгов Коля – жил и работал в Корсакове; его жена – Гуськова Лариса окончила торговый техникум, работала в Корсаковторге; Коля умер в 2008 г;
8. Дураков Валера – судьба неизвестна;
9. Еременко Саша – работал в Корсакове водителем, затем уехал с женой и ребенком в Краснодарский край;
10. Кудрявцев Валера – жил и работал в Корсакове;
11. Кузьмин Владимир – жил и работал в Корсакове;
12. Кутырев Слава – живет и работает в Корсакове;
13. Лодиков Леня – живет и работает в Корсакове; воспитал двух сыновей, имеет внуков;
14. Неделько Коля – жил и работал в Корсакове;
15. Панасенко Вера – судьба неизвестна;
16. Панюта Вера – после окончания школы уехала в Новосибирск; судьба неизвестна;
17. Пиксимов Эдик – после окончания школы уехал в Новосибирск, где окончил медицинский институт. После окончания ВУЗа служил военным врачом;
18. Разумишкина (Грицай) Юля – окончила Южно-Сахалинский педагогический институт, работала директором нашей родной школы № 2;
19. Слепнев Юра – окончил ПТУ, отслужил в погранвойсках, жил и работал в Корсакове;
20. Слободчиков Володя – жил в Корсакове и работал на маяках. Его отец бывший минометчик, фронтовик, друг моего отца, человек большой физической силы и доброй души;
21. Старых Володя – окончил Благовещенский медицинский институт, работал в Корсакове врачом;
22. Уховы: Андрей (от него я получил для чтения «Роман-газету» с произведением А. Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича») – жил и работал в г. Холмск Сахалинской области; его сестра Наташа – окончила Владивостокский медицинский институт и работала врачом;
23. Шмони́на Тоня – после окончания школы жила и работала в Корсакове;
24. Юткины: Владимир и Леонид живут и работают в Корсакове; Юрий – после окончания школы учился в техникуме, а затем работал и жил в Сибири, дальнейшая судьба неизвестна; Валентина – жила в Корсакове, работала продавцом в торговых предприятиях. Родители: тетя Роза вела домашнее хозяйство, отец, Иван, работал водителем.

Учителя:

1. Бейлина Евгения Гюльевна – учитель английского языка, классный руководитель в выпускном классе;
2. Зинаида Борисовна – учитель литературы и русского языка. Добрый и внимательный человек;
3. Исаева Мария Петровна – первая учительница;
4. Людмила Константиновна – учитель химии в 9 классе. Прекрасно владела предметом. Затем работала преподавателем химии в Южно-Сахалинском педагогическом институте;
5. Миронова Лариса Михайловна – учитель физики. Добрый и внимательный, человек, прощавший нам многие прегрешения;

6. Селиванова Светлана Евгеньевна – учитель математики. Понимающий и добрый человек. Классный руководитель в 9 классе;
7. Чернова Нина Петровна – учитель английского языка.